

ВАЛЕНТИНА ОСКОЛКОВА
АЛЕКСАНДР ХОДОСОВ

⊗
ДВЕРЬ
НОВАЯ

ТЕМ, КТО ВЫБРОШЕН ИЗ ЖИЗНИ,
ДОРОГА ОДНА...

Александр Ходосов
Валентина Осколкова
Дверь Ноября

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68435216

SelfPub; 2022

Аннотация

В миг, когда Янка оказалась не нужна никому на свете, она провалилась в Ноябрь – мир-пустошь, хранящий то, что выброшено людьми из жизни. Здесь оживают старые вещи и новые страхи, а в белом тумане таится смерть. И даже если загадочный мальчишка по прозвищу Тот, кто успел, выведет Янку домой, Ноябрь так просто не отпустит. Ноябрь придёт за ней... А с ним и Тот, кто успел. Он попросит Янку о помощи, и она не сможет отказать. В пустынных землях Ноября и среди холодных московских улиц им вдвоём придётся найти ответы на самые странные вопросы. Как спасти того, кто растворяется в забвении? Куда ведут пересекающие пустошь рельсы? Откуда взялся говорящий танк, и... И, главное, кто же всё-таки Тот, кто успел? Он ведь и сам не знает. Рукопись вошла в лонг-лист IX конкурса «Новая Детская Книга» издательства Росмэн.

Содержание

Пролог	4
Глава 0. Мёртвый город	7
Мгновение света. Янка	10
Мгновение чужого прошлого. Димка	24
Глава 1. Сердце не бьётся	29
Мгновение сна. Янка	38
Мгновение знания. Лена	50
Глава 2. Слишком близко	52
Мгновение чужого прошлого. Димка	70
Глава 3. Шаг сквозь	74
Мгновение чужого прошлого. Димка	94
Глава 4. Паутина улиц	101
Мгновение чужого прошлого. Димка	123
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Валентина Осколкова, Александр Ходосов Дверь Ноября

Пролог

Шестнадцатого октября около восьми часов вечера он обнаружил, что стал невидимкой.

Нет, он по-прежнему отражался в оконном стекле, на его место никто не пытался сесть – но взгляды скользили по нему, не останавливаясь, словно по накатанному льду, и даже кондуктор, сонная тётка в форменной жилетке, не стала проверять билет.

В вагоне пахло трамваем и осенью: резиной, кожзамом, сыростью, опавшей листвой, бензиновым ветром и ещё немножко чужой тоской. Люди входили и выходили, вставали и садились, а трамвай всё катил вперёд под звон несуществующих бубенцов.

Так получилось, что на предпоследней остановке человек-невидимка остался в вагоне один, не считая кондуктора – седой тётки, отрешённо уткнувшейся в вязание. Натянув повыше виток чёрного шарфа, человек прислонился виском к окну и прикрыл глаза, по многолетнему опыту твёрдо зная,

что конечную не проспать, кондуктор обязательно разбудит, а день был чересчур длинный и ещё более бессмысленный...

Вот только человек не подумал, что взгляды скользят мимо; что телефон молчит уже неделю, ведь даже рекламщики не вспоминают его номер; что бывшие коллеги мигом забыли, приятели растворились, а родственников нет давным-давно. Что ни одна живая душа в мире не смогла бы сейчас с уверенностью ответить на вопрос: а где он? А что с ним? *А кому он нужен?*

Кто заметит в вагоне невидимку?

– ...конечная. Трамвай идёт в парк, просьба покинуть вагон, – прохрипел динамик, и седая тётка-кондуктор подняла взгляд от вязания.

Вагон был пуст.

...Проснулся человек от толчка в плечо, даже сквозь сон ясно помня, что первым делом надо перед кондуктором вежливо извиниться, ещё раньше, чем она откроет рот, чтобы начать ругаться... но кондуктора не было – вместо той тётки перед креслом стоял мальчишка, бледный взъерошенный воронёнок. И черты его лица смазывались и складывались в другое лицо, знакомое до фантомной боли.

И никак иначе его не назовёшь, только одним-единственным именем, пропахшим лекарствами и танковой солярой:

– Димка?!

Мальчишка отпрянул, сверкнув нечеловечески-синими глазищами, и поспешно натянул серый капюшон, похожий

на мордочку ушастого игрушечного ежа.

Человек понял, что невидимкой быть перестал, и поднялся на ноги.

Трамвай стоял, но это был *не тот трамвай*.

И не тот город.

И, конечно, не тот... конечно, не Димка.

Глава 0. Мёртвый город

Янка ненавидит подступающую пятнадцатую зиму. Ненавидит заранее, яростно и безнадежно.

Зима отвечает тем же – и побеждает с разгромным счётом.

Янка не носит шапок, презирает перчатки и до снега не вылезает из кедов на тёплый носок. Тёмные кудри прячутся под капюшоном толстовки, а руки – глубоко в карманах. Янка замазывает чёрным маркером названия зимних месяцев в настенном календаре, а будь её воля – так просто вырвала бы и выкинула. Из календаря и из жизни.

Как и сегодняшний разговор.

Шуршит под черепом несуществующий голос из ещё недавно любимой игры:

«Двигатель повреждён. Движение невозможно... невозможно... невозможно-ш-шно...»

Вспыхивают красным воображаемые иконки... Но всё-таки Янка движется, шаг за шагом, на автопилоте, от метро, к ларьку за традиционным субботним хот-догом, делая вид, что мир не рухнул и не разбился, что не мутит её от острых ароматов сосисок и кетчупа, танков вообще не мутит, они большие, железные и по ту сторону экрана, а Янке хочется сейчас быть таким танком...

С толстой-толстой холодной бронёй.

У ларька засела в засаде знакомая чёрно-белая дворняж-

ка с голодными глазами – вдруг перепадёт?.. Сосиска под её взглядом встаёт поперёк горла. Янка присаживается на корточки и протягивает собаке хот-дог:

– Ну, бери, попрошайка. Ты тоже никому не нужна, да?
А голос всё-таки сорвался.

«Нет, ты ответь! Я правда тебе не нужна?!» – «Ну что ты, как маленькая, заладила: нужна, не нужна... А если скажу, что не нужна?»

И вот что на такое ответить?..

Янка не знает – и тогда не знала, и оставалось в ответ лишь судорожно улыбаться: ничего страшного, я всё понимаю, я сильная. Я танк.

Подбитый прямым попаданием...

Надоело!

Янка вскочила на ноги, пугая дворняжку, и кинулась прочь, мимо козырька остановки, через дорогу.

«Не нужна, не нуж-ина... – голос внутри шипит змеёй, изворачиваясь в кольцо. – Никому, никому! Маме не нужна, Вику не нужна... И папе ты была не нужна, не нужна, не нуж-и-ина!»

Нырнув в парковые ворота, Янка пронеслась мимо вычурных фонарей «под старину», мимо скамеек, лысых кустов, смутных отражений в лужах, мимо, мимо, прочь... *Холодно.* Зима вдруг подступила вплотную,дохнула по ногам первым снегом, луна прыгнула перед глазами и скрылась за плотной, словно вырезанной из войлока тучей.

Выключенный телефон в кармане жёг ладонь и напоминал: «Не нужна, не нужна!» – и это неподъёмный, отлитый из свинца факт.

«У меня разбилось сердце», – подумала Янка, перескакивая воткнутой в конце дорожки бетонный блок, и в тот же миг что-то с хрустом тонкого ноябрьского льда треснуло в груди. От резанувшей боли перехватило дыхание.

Равновесие удержать не получилось. Ещё мгновение назад сердце как бешеное – тумс-тумс-тумс – стучало в ушах, ноги несли, а вот уже Янка летит вниз...

...в груди дрожит, дробится осколками боль...

...ни стука, ни толчка бестолкового пульса...

...ни силы удержаться на ногах, ни...

Это случилось быстрее, чем Янка успела выдохнуть испуганное «Мамочки!»

Мгновение света. Янка

ВСПЫШКА.

Боль, чувство падения, и это всё длится, длится, во времени, в пространстве, в бесконечности – и вдруг вспышка перед глазами, жар в груди, свет заливает всё, и хотя он совсем не слепит – почему-то ничего не видно.

Бесконечность свернулась в круг и вспыхнула в нём перечёркнутой петлёй. И по одну сторону сияющей границы боль и падение, а по другую – свет, жар и покой.

На какой стороне ты?..

Время замерло, то ли на вечность, то ли на секунду, а потом снова потекло вперёд.

Удар – не об асфальт, раньше, о что-то мягкое. Вспышка свернулась в жёлтый блик, спрятанный в чужой руке, и в глаза хлынула темнота. Чья-то ладонь вжималась Янке в грудь, в том месте, где мгновенье назад боль раздирала всё в клочья.

Сердце колотилось заполошной птицей, а боль... боль растворилась без следа.

Мир подгружался неохотно, нещадно тормозя, – отдельными толчками, штрихами, пикселями: вот вторая ладонь

поймала Янку за плечо, вот чужая нога под коленом, а другая поодаль упёрлась босой пяткой в асфальт... Вскоре нашлись и лохматая темноволосая макушка, и остальные части тела, а потом незнакомец поднял голову и оказался мальчишкой.

И Янке почудилось, что даже сквозь толстовку чувствует на груди жар от его ладони.

– Эй! – Янка отшатнулась от наглеца... и боль вернулась. Она обрушилась на Янку, выбивая дыхание, заметалась эхом непрозвучавшего крика в голове.

Мальчишка подскочил прежде, чем Янка успела сложиться пополам, толкнул в грудь, а потом неведомо как успел оказаться сзади, подхватить и даже заботливо помочь усесться на тот самый бетонный блок.

Какое-то время Янку занимало только то, что в груди царит уже не боль, а жар, а потом мир снова загрузился, выплыл из небытия.

Было холодно. Стыло, даже не по-октябрьски, а так, будто уже завтра снег ляжет на землю колючими пышными хлопьями. Сердце неровно стучалось в рёбра. Глаза смотрели. Руки-ноги слушались, вот только коленки позорно дрожали.

Значки на воображаемом экране нехотя окрашивались в зелёный цвет: *шкала жизни, двигатель, боеукладка... гусеницы, приборы, рация... Экипаж цел, танк цел, танк движется?*

Янка окончательно вернула себя в список живых и осторожно встала, рефлекторно хватаясь за грудь.

– Живая, – радостно озвучил её собственные мысли босоножий мальчишка. – Успел!

...Янка его не услышала. Пальцы зацепились за что-то чужеродное на толстовке – из-под ладони пробивался тот самый огонёк, тёплый... и рифлёный на ощупь. Янка растерянно ухватила его и поднесла к лицу, не веря своим глазам: «огонёк» оказался металлической рыбкой длиной едва ли в полпальца. Вернее, сам огонёк прятался у рыбки внутри, пробивался в просветы стального узора, даря миру во-круг причудливые блики.

Рыбка была по-живому тёплая, даже горячая, пахла сталью и бенгальским огнём и свинцово тянула ладонь к земле.

– Спрячь под ворот лучше, – посоветовал всё тот же вездесущий мальчишка, но Янка не могла оторваться и всё крутила рыбку в руках, следя за бегущими по толстовке золотыми отсветами.

Тогда мальчишка бесцеремонно стукнул Янку по ладони, и рыбка выпала из руки, но не упала. Толкнулась, как маятник, в рёбра – встречным толчком отозвалось сердце – и повисла на цепочке, которую Янка обнаружила у себя на шее.

Огонёк утих, хоровод бликов сжался в точку, и показалось вдруг, что Янка растворится сейчас в обступившей её темноте, как сахар в кружке чая.

Без цели, без сил, без движения...

Она потрясла головой, пытаясь осознать происходящее, но тщетно. Мысли ворочались медленно и неловко, как чу-

жие.

«Я что... исчезла?» – испугалось что-то внутри, тот маленький островок разумности, который засасывала в себя окружающая трясина безволия.

Но мальчишка-то её видит, значит, наверное, не исчезла?

– Слушай, а откуда... ты взялся? – Янка заставила себя сосредоточить взгляд на незнакомце.

– Я? Вообще или прямо сейчас?

В свете выглянувшей в прореху туч луны мальчик показался чёрно-белым, как старое фото: бледный, тёмненький, но волосы не как у Янки – непослушный вьюн, а жёсткие и, наверное, совсем-совсем чёрные. Из одежды – только нелепый комбинезон, похожий на пижаму-кигуруми, какие любят носить сноубордисты, но не цветастый, а бело-серый... Ни ботинок, ни шапки, ни бейджика с именем, а сам мальчишка представиться не додумался.

Какое-то время Янка просто смотрела на него и пыталась угадать: что за существо изображает эта кигуруми? Пёстро-серые плечи, белый перёд, черноухий капюшон за спиной... Думать об этом – получалось, а вот задаваться вопросами «где я?» и «что произошло?» – нет.

– Ты кто? – спросила Янка тихо и глупо.

– Я тот, кто успел, – с нахально-загадочной улыбкой отозвался пацан.

– Успел что?

– Ну-у... например, тебя поймать!

Кажется, он был на год-два младше самой Янки – на пороге того возраста, когда за месяц парни могут вымахать на голову, сменить голос, манеры, увлечения и вдобавок обзавестись россыпью ужасных прыщей и усами в три волосинки.

Впрочем, в потёмках не угадать.

– А... у тебя нормальное имя есть? Саша, Паша, Вася?

Улыбка исказилась и опустела, как будто пацан уже перестал улыбаться, а губы по инерции ещё сохраняли прежнее положение.

И Янке вдруг очень захотелось оказаться где угодно, только подальше от этого безымянного «того, кто успел» с такой пустой, нелепой улыбкой, словно у куклы, у манекена, у...

А Тот, кто успел, вместо ответа развернулся и, бросив: «Пойдём!» – энергично зашагал куда-то вперёд.

Идти за ним Янка, конечно же, не собиралась.

Зачем? Рыбку вернуть? Так вроде не требует...

А непонятный приступ прошёл бесследно, это всего лишь переходный возраст, кардиолог – да нет, при чём здесь кардиолог, терапевт, конечно же! – предупреждал, что организм меняется, гормональная настройка или что-то типа того. А значит, надо просто вернуться назад, домой, и...

Сквера за спиной не оказалось. Ни фонарей, ни кустов, ни дорожки. Только тонуший в ночной темноте пустырь и выщербленный, будто обгрызенный кем-то бетонный блок. Крошится под кедами замёрзшая глина, рядом сереет нелепая заплатка асфальта – не начало дорожки, а одно-един-

ственное пятно.

Луна снова убралась за войлочную тучу, как уползает танк в укрытие перед ударом.

Ночь.

– Я сплю, – Янка крепко зажмурилась. – Либо забежала куда-то в помрачённом сознании... либо просто сплю! Надо проснуться, вот и всё. Проснуться!

Накатило то самое ощущение, возникающее за мгновение до того, как проснёшься, и Янка встретила его с облегчением и радостью, а потом открыла глаза.

Ночь, пустырь, до карамельной хрупкости замёрзшая глина под ногами.

Янка повторила попытку ещё несколько раз, прежде чем признала, что не спит – и вот тут стало страшно до рези в глазах. От непонимания, что происходит и что ещё произойдёт.

Спина мальчишки ещё маячила впереди, и Янка, судорожно всхлипнув, бросилась за ним:

– Эй! Эй, подожди! Куда ты... куда мы идём?

Мальчишка не ответил, но притормозил и дождался Янку.

Дальше они шли уже вдвоём. Босые ноги шлёпали по заиндевевшей земле, кеды топали невпопад, отставая где-то на полшага.

– Так кто ты такой?!

– Тот, кто успел, – упрямо повторил мальчишка и накинул на голову капюшон.

Оказалось, кигуруми изображала ежа. Не обычного, лесного, а домашнего: белого, с тёмным кончиком морды, тёмными ушками и серыми плюшевыми «иголками».

Янка с усилием отвела взгляд от чёрных ежиных глаз, вышитых на капюшоне пижамы. Их игрушечный взгляд был слишком *живым*.

– Тот, кто успел... Давай я тогда тебя буду звать, ну... – Янка проглотила «Ежом», – просто Тотом?

Ежиная мордочка согласно «клюнула» вперёд. Получилось, что Янка разговаривает с этим ежом, а не с мальчиком, спрятавшимся внутри пижамы.

– Это, типа, «молчание – знак согласия»? – Янка попыталась разозлиться, но почему-то не вышло. Словно что-то внутри сломалось. Остались только растерянность, страх и тягостный привкус сна. – Тот... тогда посмотри на меня хотя бы!

Тот одёрнул капюшон и наклонил голову так, чтобы ёж внимательно уставился на собеседницу. Жутковато.

Янка глубоко вдохнула ледяной воздух, прежде чем снова задать вопрос:

– Куда мы идём?!

Ежиная мордочка качнулась:

– Встретим ещё одного, как ты, и я вас выведу обратно, делов-то. Не хочу с каждым туда-сюда бегать.

От неожиданности Янка споткнулась, боясь поверить тому, что услышала.

– Под ноги смотри! – проворчал Тот, хватая её за плечо.

– Я... я просто...

Каждый ли из тех, кто запоем читает о других мирах, захочет – на самом деле – однажды случайно уйти и не вернуться? Нет, все приключения будут когда-нибудь потом, а здесь и сейчас...

Только.

Невозможность.

Вернуться.

Домой.

Настоящая дорога без возврата страшнее любых волшебных злодеев. Но сказки об этом почему-то рассказать забывают.

Янка это поняла только сейчас – после обещания, что ей это не грозит:

– Ты вернёшь меня обратно?!

– А зачем ты мне здесь?

– Я... то есть... – Янка ещё пару секунд хватала ртом воздух, а потом с трудом вытолкнула из себя: – Да незачем, конечно!

– Вот и ладненько! Идём, тут недалеко. Найду его – и выведу вас обоих.

– Кого его?

– Тебе-то какая разница?

Дальше шли молча. Минут десять, совершенно невыносимых для Янки, которая теперь – когда ей дали надежду

– мечтала только об одном: вернуться, проснуться и всё забыть.

Справа и слева выросли тени домов, обрамлённые корявыми ветвями сухих деревьев. Силуэты были неровные, ломкие, словно улица собиралась из кусочков, дом оттуда, дом отсюда.

Когда луна выглядывала из-за тучи, под ногами плясали резкие чёрные тени, искажённые, как отражение в битом стекле. Когда лунный свет пропадал, идти приходилось почти наощупь, осторожно ступая следом за Тотом. Наконец Янка включила телефон и зажгла фонарик – справа в ярком белом луче блеснули из-под слоя ржавчины трамвайные рельсы; слева, как в нелепом сне, босые мальчишеские ноги топтали потрескавшийся, припорошённый пылью асфальт.

Щербатый оскал разбитых окон в стене ближайшего дома заставил отпрянуть и дальше светить только в землю, не поднимая взгляда.

Неожиданно Тот затормозил, уже привычно поймал Янку за плечо и сообщил:

– Подожди тут, скоро вернусь.

Ответить Янка не успела и оказалась в одиночестве и тишине – чужой, мёртвой и голодной. Плотной, как та войлочная туча, проглотившая луну.

Не выдержав, Янка осторожно повела лучом фонарика вдоль трамвайных рельсов, по которым ушёл Тот...

Она успела заметить только метнувшуюся к ней в луче

света тень – и с криком выронила телефон. Фонарик погас. В нахлынувшей темноте перед глазами поплыли аморфные зелёные пятна.

Секунда, другая, третья... Никто не нападал.

Неужели хищная тень только почудилась?!

Или... или неведомый зверь притаился в шаге от Янки, невидимый в темноте и оттого вдвойне опасный?..

Телефон лежал у ног. Янка шевельнула правым кедом, нащупывая его... Есть зверь или нет? Глюк или правда? Может, дикая собака? Но собака не станет бесшумно таиться, она залает или хотя бы зарычит...

Можно было поднять телефон и снова включить фонарик. Тогда всё стало бы ясно. Всё просто – наклониться, нащупать и зажечь экран.

Только почему же так страшно шевельнуться?!

...А потом раздались шаги, и Янку настиг весёлый голос:
– А вот и мы!

Янка не разрыдалась. Чудом.

А потом туча нехотя сползла с луны, и та прожектором осветила мёртвый город – до последней веточки, до «стрелки» трамвайных рельсов вдалеке...

Никаких диких собак и прочих чудовищ город не таил.

А ещё Янка почему-то ожидала, что Тот приведёт её ровесника, парня или даже девушку, но пацан уверенно тащил за рукав высокого – хотя рядом с Тотом любой покажется выше среднего – мужчину.

Тот словно вытащил его из какого-то мрачного французского мультика – *про мёртвый город, про тёмный взгляд из оконных провалов, про луну за войлоком туч и бесконечное одиночество...* Долговязый, сутулый, в тёмном пальто и рыхлых витках чёрного шарфа на шее. Тёмные взлохмаченные волосы пестреют ранней сединой, а на лице застыло растерянное, детское какое-то выражение.

Когда через секунду Янка, отвернувшись, попыталась вспомнить лицо – ничего не вышло. Человек-никто, безликий прохожий с потерянным взглядом. Видела ли Янка его когда-нибудь раньше? Да таких – безликих, потерянных, одетых в немаркое тёмное – пол-Москвы!

...Долго рассматривать друг друга никому не дал вездесущий Тот. Ухватил Янку свободной рукой и потянул вдоль рельсов вперёд. Когда трамвайные пути разошлись «стрелкой», решительно свернул влево, коротко сказав – почти приказав:

– Взглядом ни за что не цепляйтесь, – потом помолчал и добавил: – Лучше вообще только на меня смотрите. Так проще. Вы здесь случайные, нечего задерживаться.

– А... а рыбку тебе отдать? – Янка полезла свободной рукой за ворот, но ежиный капюшон, обернувшись, только отрицательно качнулся. Вышитые глаза пялились равнодушно, пряча истинный взгляд:

– Пусть у тебя будет. Всё, идёте. Раньше выведу – раньше делом займусь, а то с вами возиться...

Он ещё долго бурчал самому себе под нос – про каких-то тигров, танки и недолю, с непреклонностью паровоза таща их вдоль ржавых рельсов.

Янка сжала сквозь толстовку рыбку и, поддавшись секундной слабости, вовсе закрыла глаза: «Ничего не вижу, ничего не знаю, лежу дома в кровати и просто смотрю страшный сон!»

В какой-то момент рука Тота исчезла, а Янка по инерции сделала ещё несколько шагов вперёд... Звук промчавшейся неподалёку машины заставил сердце радостно подпрыгнуть. Янка распахнула глаза.

Впереди спасительным маяком сиял обычный шоссейный фонарь, таяли вдалеке отсветы фар, сквозь обступившие шоссе лысые деревья проглядывали на той стороне дороги огоньки окон.

Не выдержав, Янка бросилась вперёд, к фонарю, к цивилизации, к жизни!.. Схватившись через пару шагов, она обернулась – но Тота нигде не было. Только растерянно озирался сутулый мужчина да вдалеке заливались плаксивым лаем собаки.

Заметив что-то, мужчина вдруг оживился и, натягивая на лицо характерное выражение «всем плевать на меня, мне плевать на всех», прошёл мимо Янки вперёд, где, как выяснилось, притулилась автобусная остановка.

Там всё-таки притормозил и обернулся, нервно затягивая витки шарфа на шее всё туже и туже:

– Т-тебе в Энкс?

Это были первые – хриплые, чуть запинаящиеся – слова, которые он произнёс за всё это время. Янке нестерпимо захотелось встать на цыпочки и отобрать у него шарф – задушится ведь!

Справившись с неуместным порывом, Янка поглубже на-тянула капюшон:

– Нет, мне в Москву, я просто...

Казалось бы, вернулась в нормальный мир фонарей, людей и машин – радуйся!.. Но чем дальше, тем больше Янке становилось не по себе.

Не в последнюю очередь из-за взгляда мужчины – хмурого и... опасливого.

– Тогда твоя остановка во-он там, – мужчина коротко махнул рукой в сторону арки пешеходного моста. – На той стороне.

– Э... спасибо, – обескураженно промямлила Янка. Ни тебе «здрате», ни представиться... Такими темпами обнаружится, что «Я – Тот, кто успел, пошли неизвестно куда» было образцом галантности!

Но мужчина уже отвернулся, словно боясь даже лишний раз посмотреть в сторону случайной свидетельницы путешествия через мёртвый город.

Боялся поверить, что всё случилось наяву?

А Янка, окончательно признав, что сошла с ума или по-просту спит так глубоко, что сама уже не проснётся, вдруг

успокоилась до полной отрешённости. На автопилоте поднялась по гулким ступенькам перехода, внутри всего исчёрканного граффити, перешла шоссе, спустилась к автобусной остановке и, одёрнув толстовку пониже, уселась на ледяную железную скамейку ждать то ли автобуса, то ли пробуждения.

Внутри было точно так же, как в переходе – пусто, гулко и грязно. И холодно.

В свете фонаря змеились граффити и по внешней стене перехода. Сквозь узоры проступала простая чёрная надпись:

«А мы пойдём с тобою, погуляем по трамвайным рельсам...»

Мгновение чужого прошлого. Димка

...Вот кто ж знал, что всё получится так?

Запутанно и внезапно.

Спрыгивая с танка *там*, Димка и не думал, что может оказаться «дома»... а дома этот самый – или всё-таки не этот, а какой-то другой?! – танк стоял на постаменте.

Метр с лишним до бетонной тумбы, а ещё два – до земли... Пролетая эти три неожиданных метра, Димка успел растеряться, сообразить, где оказался, и даже почти захотеть вернуться *туда*. А потом приземлился голыми пятками на асфальт, и боль, прострелившая от подошв вверх, на секунду оглушила.

Мир вернулся. Димка вернулся?

Дома шёл проливной дождь, и было... тепло. Нет, конечно, в этом не было ничего неожиданного для обычного майского дня 1989 года, но бьющие по плечам струи воды показались Димке кипятком после того пронизывающего холода, который окружал буквально минуту назад... *где?*

Димка съехал спиной по постаменту и сел на асфальт.

Обычный мир казался смутным и размытым. Куда более нереальным, чем всё то, что пережил только что Димка: заброшенный город, поздняя осень, танк, голос в шлемофо-

не... Словно сон, который никак не получается с себя стряхнуть.

Поэтому пару секунд Димка просто пялился на жёлтые резиновые сапоги, шлёпающие по лужам всё быстрее и быстрее... к нему?!

Димка поднял взгляд, а потом и сам привстал навстречу девчонке в ярко-красной ветровке. В руках девочка сжимала нераскрытый зонтик – это под дождём-то!

– Ди-имка! – выдохнула она, бросаясь к нему, так что оба полетели на землю.

– Светк... – попытался выговорить он, отводя от лица одну из двух совершенно мокрых русых косичек, но девчонка его перебила:

– Ты где был, зараза такая?! Тут такое! А ты, а ты-ы... – тут она вцепилась в него клещом и внезапно заревела, как первоклассница: – Я думала, я с катушек съехала-а... Да и все кругом то-о-оже!

– Свет... ты чего?! – Димка даже испугался. – Да хватит реветь-то! Тут я... Живой. Эй... Пошли на остановку! Там хоть козырёк есть, промокнешь ведь.

– Пойдём! – Светка мигом перестала всхлипывать, вскочила на ноги и сама поволокла Димку к смутно видневшейся за стеной дождя автобусной остановке, тараторя на одном дыхании: – Дим... они все про тебя забыли! Даже папка мой – помнишь, он останавливался, когда мы сюда топали? Как он узик тормозил – помнит, меня – помнит... Тебя – нет!

...По навесу с гулким грохотом барабанил дождь. Димка сидел на скамейке и болтал ногами – наступать на пятки было всё ещё больно. Светка продолжала трещать, перекрикивая дождевой грохот.

И Димка начал понимать, что не понимает ничегошеньки.

– ...Дим, вообще все! Даже твои папа с мамой! Я у них сегодня спросила про тебя, а они переглянулись, спросили в ответ, как у меня дела в школе, и дальше пошли! И на уроках, когда по журналу проверяют – тебя даже не вызывают! Я сама видела – тебе «Н» ставят, не спрашивая...

– Свет, погоди... какая школа?!

Светка удивлённо глянула на него:

– Дим... ну какая ещё? Наша! Четвёртая...

Тут Димка понял, что надо срочно кое-что проверить. То, что царапнуло взгляд, ещё когда топали сюда, под навес.

– Так...

Он спрыгнул со скамейки, охнув про себя, и похромал по лужам. Несмотря на общую дичь происходящего, вода была тёплой, а это совсем детское развлекалово – босиком прямо в лужу – почему-то успокаивало: Димка не спит.

И, наверное, не умер, там, в танке.

...На общем серо-зелёном – лесополоса, пашня, асфальт, танк на постаменте, – фоне, размытом от струй дождя, у памятника яркими пятнами выделялись цветы.

Много-много цветов.

– Светка! – Димка понял, что внезапно охрип. – Свет, се-

годня какое число?!

– Дим, ты чего... Двенадцатое. – Светка, тащившаяся следом за ним в обнимку со своим зонтом, вздрогнула под ошалевшим Димкиным взглядом и зачем-то уточнила: – Ну, уже вечер...

Ноги стали как ватные, и только чудом Димка не сел прямо на асфальт, в ту самую лужу. Дохромав обратно до навеса, он плюхнулся на скамейку и стащил с головы уже навывлет промокший шлемофон.

– Свет... Мне капец. И, главное, никто... вообще никто мне не поверит!

«Я бы и сам не поверил... если б не этот треклятый шлемофон! Потому что сегодня... то есть не сегодня, а когда я попал *туда*... было только восьмое мая! И никакого шлемофона у меня – не было!»

Светка села рядом и какое-то время молчала, пальцами терзая косичку. Наконец, собралась с духом и тихо сказала, старательно не глядя на Димку:

– Я... я сама не знаю, что со мной было. Иногда казалось, что все, кто про тебя забыли, правы, а я панику на пустом месте развожу... Или что я действительно пошла к танку одна! И только когда сейчас у памятника тебя... – она не договорила, всё-таки повернулась к Димке и почти заревела: – Ди-им... Но ты же прямо у меня на глазах... исчез!

Димка до побелевших костяшек сжал шлемофон и твёрдо сказал себе, что всё было.

Тот мёртвый город существует. И танк. И те несколько часов, самых странных и страшных часов Димкиной жизни, которые обернулись четырьмя сутками «дома», – они тоже были!

Так и сидели: девчонка в красной ветровке и с бесполезным зонтиком и черноволосый взъерошенный пацан – в рубашке, шортах, босиком... и с танковым шлемофоном на коленках. Не зная, что этот день навсегда расколется Димкину жизнь на «до» и «после».

Воробушки мокрые, да и только.

Глава 1. Сердце не бьётся

– Дома...

Она выдохнула это на лестничной клетке, привалившись лбом к двери родной квартиры, и как только слово сорвалось с губ, Янку накрыло пониманием, что она сказала это слишком рано.

Надо было сначала войти, запереть за собой дверь, забиться под одеяло...

Не дыша, Янка провернула ключ и по миллиметру надавила на дверную ручку. Вдруг всё-таки получится сделать вид, что ничего не случилось?

Или мама ждёт на пороге и сейчас расплатится от облегчения, что дочь нашлась? И вот тут-то Янка ей всё расскажет – и про Вика, и... Нет, пожалуйста, давайте всё просто приснилось!

– Я дома, дома, дома, – шептала Янка, торопливо разуваясь в тёмном коридоре. И, наконец, набралась решимости и тихонько спросила в воздух: – Ма-ам?

Тишина.

Янка шагнула в комнату, огляделась... Пусто.

Не сдаваясь, она щёлкнула выключателем и, жмурясь от света, позвала уже в полный голос:

– Мам? Ты где?! Тут такое дело, я...

Пустые кровати, пустая комната. Янка метнулась обратно

в коридор, из него на кухню, в ванную, звала, хлопала дверями, зажигала свет:

– Мам! Мам-мам-мам...

Квартира была пуста.

«Я не проснулась! – обрушилась на Янку мысль. – Это всё тот же сон! Этого не может быть!»

В который раз выскочив в тёмный коридор, Янка запнулась о ремень своей сумки, дрыгнула ногой, теряя равновесие, но в последний момент успела ухватиться за раму коридорного зеркала.

Прилепленная к раме записка оказалась строго напротив глаз: «Имей совесть, включай телефон! Меня домой не жди, ужинай сама, буду утром».

Янка три раза перечитала записку – буквы перед глазами прыгали кузнечиками.

– Меня не было дома. И мама этого не знает, – сообщила она вслух и стукнула кулаком по зеркалу, дзынькнувшему в ответ. – Не знает!

Облегчение мешалось с обидой, закипая на медленном огне ещё не угасшей паники.

С зеркальной глади на Янку глянуло тёмное отражение, в котором едва угадывалась пятнадцатилетняя девочка-подросток – уже не ребёнок, всё ещё не взрослая девушка, серединка на половинку со злыми испуганными глазами, ореолом выбивающихся из-под капюшона пружинок-прядей и в скрадывающей фигуру чёрной толстовке. Тёмные волосы,

тёмные глаза, вечно искусанные губы.

Не человек, а горький шоколад.

Янка протяжно выдохнула и скинула капюшон. На плечи давили тишина, одиночество и ощущение, что мама ушла, как папа – *навсегда*. И дочь им не нужна.

«*Не нуж-ш-ина-а...*»

Всколыхнувшаяся злость заглушила все чувства и, подхватив душей волной, домчала Янку к дивану. Как разделась, куда покидала вещи – Янка уже не запомнила. Да и было ли всё это?

Или это был всего лишь странный, страшный, холодный сон, что приснился под утро?

...Проснулась она около полудня. За стенкой мама беззаботно смеялась над словами неслышимого собеседника – телефонной трубки, а солнце било в самое окно. Зброшенный город и странный мальчик в ежиной пижаме забылись, как и положено дурному сну.

Какое-то время Янка просто нежилась в кровати с закрытыми глазами – последний день каникул, как-никак! – а потом нехотя села, кутаясь в одеяло. Рука сама потянулась к телефону, но стоило наклониться, как по шее скользнула рифлёная цепочка, и подвеска – словно только того и ждала – ударилась о колено. Стальная рыбка – тёплая, тяжёлая.

Янка на автопилоте нащупала-таки телефон – и вспомнила всё, с размаху.

Телефонный разговор с Виком, сумасшедший бег, мёрт-

вый город – а потом фонарь, шоссе, полупустой автобус, безлюдная в такой час улица... И *Тот, кто успел*, в своей белой кигуруми, и цепкие пальцы на запястье, и жар, унявший боль.

Что делать со всей этой информацией, мозг не знал.

Пальцы сами собой вцепились в рыбку, то ли как утопающий в соломинку, то ли как любознательный ребёнок в оголённый провод – одноразовое такое любопытство, полное восхитительно-плохих предчувствий.

– Да сон это был, сон! – всхлипнула Янка, сдёргивая подвеску с шеи. В звеньях цепочки запуталась прядь, но Янка только дёрнула сильнее.

Боль в корнях волос сработала спусковым крючком – в груди уже знакомо взорвалось *нечто*, выбивая дыхание, впиваясь в рёбра. Янка скрючилась, отчаянно пытаясь почувствовать собственный пульс, но его не было, не было, не было... Её спасло то, что, согнувшись, она почти упала грудью на зажатую в руке рыбку.

Боль ушла, а Янка ещё несколько минут лежала без сил. А потом осторожно села и, проверяя свою догадку, разжала пальцы, роняя рыбку на кровать.

...Вдохнуть получилось, только когда она вернула подвеску на шею.

«У меня разбилось сердце», – вспомнила Янка. И теперь эта мысль уже не казалась метафорой с уроков литературы.

Вот только сердце, как известно, – специальная мышца,

чтобы качать кровь, и разбиться, как и любой кусок мяса, в принципе не может. Если, конечно, не заморозить в жидком азоте, как резиновую трубку на уроке химии...

Должно же существовать другое, человеческое объяснение! Переходный возраст там, самовнушение, гипноз, галлюцинации, старческая стенокардия, пришедшая раньше времени, или хотя бы порок сердца!

«Стенокардия или порок сердца... – Янка согнулась, уткнувшись лбом в колени. – Блин, как надо довести человека, чтобы хотелось поверить, что так оно всё и есть...»

Фантазия тут же нарисовала её в больничной палате, в окружении врачей, переживающей мамы и безутешного Вика, который горько восклицал: «Это всё из-за меня!»

Бредовая слащавость картинки несколько отрезвила.

Вик так не станет.

Вик...

За стеной, на кухне, мама снова расхохоталась над шуткой телефонной трубки, и внезапно Янке стало совершенно наплевать – и на случившееся, и на Вика, и на себя. Она вернула рыбку на шею, сползла с дивана, всхлипнула истеричным смешком и по стеночке двинула на кухню.

– Утро, мам...

Мама ничего не замечала, поглощённая телефонным разговором.

Янка какое-то время наблюдала, прислонившись к дверному косяку, и всё пыталась понять: мамина улыбка всегда

была такой счастливо-глупой и словно бы вывернутой наизнанку – улыбка не для Янки, а для кого-то по ту сторону телефонной трубки?

– А я сегодня не ночевала дома.

Это вырвалось само, помимо воли, только чтобы стереть эту мамину улыбку или хотя бы вывернуть «лицом» к себе.

Мама на секунду оторвалась от разговора, наморщила лоб и снова бестолково улыбнулась, прикрывая трубку ладонью:

– Ну, прости, Яныч, я бы тебя предупредила, но не позволилась! Сначала в метро временно недоступна, потом занято, потом выключено... Ты хорошо спала тут без меня?

– Плохо.

– Ну, вот видишь, какая ты уже самостоятельная! А когда-то даже просто в темноте спать отказывалась, помнишь?

Улыбка была всё та же, наизнанку. В телефонной трубке шуршал голос.

– Не помню. Мне уже пятнадцать, мам. Ты меня вообще слышишь?

– Да-да, я всё понимаю, ты уже такая большая...

– Аш-ш, мам! – Янка от избытка чувств постучалась лбом по косяку. Тот отозвался глухим потрескиванием. – Ма-ам! Я всю ночь бродила по мёртвому городу в компании непонятного перепуганного мужика и пацана с нелепым прозвищем, одетого в кигуруми ежа! Кигуруми, мам! Ты знаешь, что это такое? Это такая пижама, плюшевый комбинезон! Мальчишка был в кигуруми и босиком! И я там проторча-

ла всю ночь, хотя мне казалось – полчаса! У меня разбилось сердце, р-раз – и вдребезги, а спасает от этого только светящийся брелок в форме рыбки! Меня бросил Вик, и жизнь не имеет смысла, а ты вообще меня не слушаешь! А Вик... А я... – и обессиленно выдохнула.

Мама рассеянно подняла взгляд:

– Что ты замолчала, Ян, я же тебя внимательно слу... Да-да, Лер, прости, тут дочка проснулась просто, у неё каникулы. Подожди, правда в Австралию? И что, как там кенгуру, вы их встречали?..

– Бесполезно, – выдохнула Янка, опять стукнувшись лбом в косяк. На сей раз особенно удачно, наверняка обеспечив себе шишку.

Мама только сделала страшные глаза, мол, не мешай разговору.

Чувствуя жгучую ревность к телефону, Янка достала из холодильника бутылку йогурта и, мстительно громко хлопнув дверцей, вернулась в комнату. Мама щебетала о чём-то, улыбалась и больше не смотрела в её сторону. Сотовая связь поглотила её с концами, и это было обидно. И завидно.

Ещё вчера Янка могла вот так с Виком...

Уже только вчера. В прошлом.

...Она пыталась отдаться своему горю целиком, со всем жаром пятнадцатилетней израненной души, украсив страницу в соцсетях постами с тоскливой музыкой, сгоревшими танками и прекрасными утопленницами, но к вечеру вдруг

обнаружила, что то и дело отвлекается – на одноклассниц, смешные гифки и прочую чепуху, в избытке льющуюся в новостную ленту. Жизнь упорно не хотела заканчиваться, а на завтра, кстати, ещё оставались несделанные «каникулярные» задания по русскому с информатикой, и если первое вполне списывалось у соседки по парте, то информатика была делом чести.

Эта мысль Янку потрясла и разозлила: оказывается, по этому козлу Вику не получается даже нормально пострадать! Ну что за бред чертить блок-схемы для запутанных алгоритмов из «заданий со звёздочкой» – с разбитым сердцем!

Во всех смыслах разбитом, хотя мысль эту Янка от себя старательно гнала.

– Яныч, у тебя глаза красные, – всё же заметила что-то неладное мама за ужином, но Янка вместо того, чтобы всласть проплакаться на маминой груди о Вике и своём сердце, сжалась и буркнула:

– Перезанималась, наверное.

– И веки тоже.

– Глаза потёрла, чешутся. Может, аллергия?

– Аллергия? – мать нахмурилась, тщетно пытаясь изобразить озабоченность. – На пыль, наверное... Ты когда последний раз письменный стол протирала, а?

Янка задохнулась от возмущения – и, конечно, ни о чём рассказывать не стала. И о таинственной Лере расспрашивать тоже.

...Себе Янка дала волю ночью – «Сплин» в наушниках, под одеяло с головой, сжаться в позу эмбриона вокруг игрушечной злой птицы и наконец-то зареветь. Тихонько, кусая угол подушки, чтобы мама не услышала.

Где-то между всхлипами она так и заснула, и снился ей безлюдный город.

Мгновение сна. Янка

...Снится ей тёмный город, мёртвый город: ржавые рельсы, чёрные дыры окон, пустые дома, словно неведомой силой выдернутые из всех уголков мира и выстроенные в подобие улиц. Снятся ей скользящие по стенам тени и чей-то цепкий взгляд. Во сне она несётся позёмкой, гуляет по домам отзвуком эха, вздыхает пыльным западным ветром, дробится ворохом теней по стенам и улицам. Тянет что-то в груди, тянет, тянет, ведёт вперёд...

Что ты такое, мёртвый город? Отчего ты мёртв, почему проломлены стены, разбиты стёкла, смяты ржавые машины? Что с тобой было и что ещё будет?

У неё нет ответов.

А кто смотрит на неё, когда она смотрит на город?

...Снится ей тьма, волокущая за собой машины, как ветер волочит листья; а ещё снится сухой хлопок выстрела и вспышка света – какая знакомая вспышка, где же она её видела? – вспарывающая ветхую ткань тьмы, и в этой вспышке мгновенно разворачивается цепочка новых образов, многослойных, как граффити на том пешеходном мосту... и снова всё гаснет, и снова сон возвращается туда, в мёртвый город.

И снится чудовищный рёв мотора, и сахарный хруст мёрзлой земли под босыми ногами, и взгляд чёрных вышитых глаз (прямая, соединяющая три точки: целик, мушка, цель),

выстрел... вспышка.

Вспышка.

Отзвуки сна таяли, как снег на ладони – ошпаривая холодом и исчезая спустя мгновение.

– Смирнина! – голос алгебраички заставил подпрыгнуть на месте, ошарашенно моргая. – Звонок не для тебя? Мне класс закрывать!

Янка поспешно сгрэбла в сумку тетрадки и выскочила в холл, выбрасывая из головы хоровод смазанных образов. То ли мёртвый город, то ли расписанный граффити мост, а ещё взрыв света и... В груди тянуло – не боль, отзвук боли.

«Мне постоянно снится что-то странное с тех пор, как...» – тут Янка оборвала свою мысль. Не думать. Не вспоминать. Не верить воспоминаниям!

И не трогать рыбку, обжигающую ни с того ни с сего грудь жаром. Янка нащупала на шее цепочку и поскребла её ногтем, как, бывает, чешешь вокруг болячки, которую нельзя срывать.

Историчка заболела, и с последнего урока девятиклассников, махнув рукой, отпустили с миром. Болтаясь на орбите щебечущей толпы одноклассниц, Янка вывалилась из школы и, незаметно для себя, свернула вместе со всеми в парк.

Тот самый парк.

Когда Янка спохватилась, поворачивать назад было уже глупо, хотя она и приотстала, демонстративно уткнувшись в телефон. Никто ей в экран не заглядывал, но Янка для вида даже промотала ленту фотографий, ни на чём не задерживая взгляд – всё дальше, дальше, вглубь истории. Палец поймал очередное фото, замер на долю секунды... Мир кувырнулся оземь и от удара, кажется, треснул.

Подмосковное шоссе, дорожный указатель – Подольск направо столько-то кэмэ, Энск прямо столько-то, – надземный пешеходный переход на заднем плане, машина, впечатавшаяся носом в отбойник, старательно замазанный чёрным номер.

«Какой #ужас! Водителя на моих глазах #скораяпомощь забрала! #дтп #энск #авария #явужасе #неспизарулем #мояжизнь #страшныйкадр...» – теги тянулись строчек пять.

Сама картина аварии Янку оставила почему-то равнодушной: да, смятая машина, да, какого-то незнакомого Янке человека забрала скорая... Но ведь если забрала – значит, жив?

«А ес-сли бы был мёртв? – ядовито прошипел внутренний голос. – Думаешь, ты бы что-то почувствовала? Незнакомцы – они как бы и не с-суц-ществуют...»

Янка потрясла головой, отгоняя неприятные мысли. Ей было не по себе не от вида аварии, нет... От такого знакомого пешеходного перехода, расписанного граффити.

«А мы пойдём с тобою, погуляем по трамвайным рельсам...»

Янка сглотнула комок и подавила в себе желание тут же погасить экран и сделать вид, что ничего не было, случайное совпадение места, и мальчишка в белой кигуруми на фото, конечно же, просто почудился.

Но пальцы, инстинктивно комкающие толстовку на груди, разжать удалось не сразу.

А потом футбольный мяч влетел Янке в спину, нога загнулась о ступеньку моста через реку, до которого Янка как раз дошла, цепочка подвески, зацепившись за прядь волос, как живая, вывернулась из-за ворота...

Испачкала колени Янка, конечно, куда сильнее, чем ударились, и разозлилась разом и за боль, и за страх, и за промокшие джинсы. Вскочив, она хотела запулить мяч подальше (а лучше – в реку!), но обнаружила, что его уже подобрал грузный мужик в серо-зелёной куртке. Подкинул пару раз, сделал вид, что сейчас бросит в воду, послушал возмущённо-отчаянные вопли мальчишек-футболистов и, хмыкнув, кинул мяч им.

– Глядите, куда пасуете! – крикнул он и повернулся к Янке: – Цела?

Янка повела плечами, сунула телефон в карман, и, буркнув: «Спасибо, всё в порядке», – похромала на мост.

«Вот так задумаешься один раз поглубже, – промелькнула в голове мысль, – и всё, череп об ступени “крак”, земля, гудбай, отправишься небесной канцелярии объяснять, с чего ты такой рассеянный с улицы Бассейной...»

Янке захотелось поглубже спрятаться в капюшон и телепортироваться домой. И ни за что не оборачиваться, хотя преследовало иррациональное ощущение, что мужик не ушёл, а стоит и смотрит ей вслед.

– Красивый кулон!

«Это случайность, это не ко мне, это не...»

Янка судорожно накрыла горячую рыбку ладонью.

– Парень подарил? – не унимался голос. Охотно демонстрируемое дружелюбие в нём смягчало насмешку, но всё равно Янка глухо застонала про себя, озираясь.

Говорила девчонка в зелёной парке с меховым капюшоном. Незнакомка сидела на широких перилах моста, прижимая к груди альбом для рисования, покачивала ногой в грубом ботинке и с интересом смотрела на Янку.

– Да нет, какой парень, ты чего, – отступила Янка, поспешно пряча рыбку за ворот. Вспоминать про Вика было совсем некстати!

– А кто? – Девчонка пальцами пригладила пушащиеся русые волосы – совсем короткие, «под мальчишку» – и спрыгнула с перил.

И хотя ростом она оказалась не выше Янки, девчонкой выглядеть перестала. На первый взгляд ей с натяжкой можно было дать лет семнадцать, но что-то вроде интуиции нашёптывало, что «девчонка» и двадцатилетие давно справила.

От любопытства, крупными буквами написанного на её лице, делалось не по себе.

– Никто, – буркнула Янка. – Какое тебе... вам... Какая разница?!

– Интересно, – пожала плечами незнакомка. Серые глаза из-под короткой чёлки чересчур внимательно скользнули по Янке. – Тебя как зовут?

Почему-то вспомнились старые сказки – *«не заговаривай, не называй имени, ни на что не давай согласия»...*

– Янка.

Очень хотелось развернуться и уйти, но никакого, даже самого условного, повода в голову не приходило.

– Ленка, – в тон откликнулась девушка, не замечая Янкиных мучений. – Будем знакомы и всё такое. Так расскажешь?

– Нет, – насупилась Янка и потянула за край капюшона, прячась под него поглубже.

– Нет, не будем знакомы?

– Нет, не расскажу.

– Жаль, – так искренне огорчилась Ленка, что поверить в эту зашкаливающую искренность было сложно.

Янка заметила вдруг, что глаза у Лены разные. Одинаково серые, но правый, широко распахнутый, смотрел невинно и доброжелательно, а вот левый лукаво шурился.

– А ты что тут делаешь? – неловко попыталась сменить тему Янка.

Ленка с готовностью сунула ей в руки альбом, разом становясь похожей на школьницу класса так шестого:

– Рисую!

Янка успела заметить задорный смайлик, фломастером накарябанный на ногте среднего пальца, а ещё – что ногти Ленка состригает до неприличия коротко, что плохо смыла золотистый лак, а пальцы перемазаны в грифеле, и...

Ленка отняла руки и спрятала в карманы куртки. Янка поспешно перевела взгляд на альбом.

Лист был испещрён карандашными набросками: горбоносая медвежья морда, мохнатые лапы, тёмный внимательный глаз – как живой!.. Янка, до того видевшая белых медведей только в интернете и на конфетных фантиках, с интересом присмотрелась к деталям, но чем больше вглядывалась, тем яснее ощущала, что в рисунках что-то не то... Вот характерная скорее для собак полоса тёмной кожи над челюстью, чуть по-другому расположенные, слишком умные глаза; уши – крупные, почти собачьи; не такие мощные, как у настоящих «мишек», задние лапы, а хвост... у белых медведей он вообще есть?!

Янке сморгнула, пытаясь понять, это у неё глюки или... Нет, зверь на рисунках совершенно точно был гибридом, медведесом, но никак не обычным белым мишкой! В точно лёгших линиях, в естественно-гармоничных пропорциях и неуловимой живости позы точно не было неловкого «упс... ну ладно, сделаю вид, что так и задумано». Янка умела это распознавать.

Ленка словно что-то почувствовала и нахмурилась:

– Ты сейчас начнёшь рассказывать, что это не медведь?

Ну да. Не медведь. И что?

Морщинки меж бровей и у губ делали её разом старше на десяток лет. Снисходительным «Ленка» звать её больше не получалось.

– А кто? – почему-то понизила голос Янка.

Интуиция, не утруждая себя объяснениями, шипящим шёпотом советовала забыть о любопытстве, вернуть альбом и бежать без оглядки.

– Какая разница? – так сильно удивилась Лена, вскидывая брови, что стало ясно: играет. И переигрывает.

Янка опасливо пожала плечами, отступая, но не успела: Лена уже переключилась на старую тему, и серые глаза почти ощутимо скользнули по спрятанной за толстовкой рыбке:

– Ну, а ты, может, тоже дашь глянуть? – Лена подалась вперёд, бесцеремонно протягивая руку: – А поддержать?

Янка отшатнулась, загораживаясь альбомом, и вдруг с какой-то озаряющей ясностью поняла, что совсем не может определить возраст Лены.

– *Дай мне поддержать твою рыбку, Ян!*

Лена выпала из любых возрастных примет. На молодом лице пряталось слишком много морщинок, слишком взрослые глаза (даже тот, невинно распахнутый, смотрел теперь совсем иначе!), а в движениях сквозила сила, какой не может быть у вчерашних школьниц – не физическая.

Таковыми бывают старые шаманки, а может, королевы на пенсии – когда телесная оболочка от старости истончается, и

истинная, внутренняя сила, как дракон, прорывается сквозь неё.

Лене до такой старости было ещё с полвека, но...

«Если она вдруг признается, что ей уже триста лет, я не удивлюсь», – билась в голове нелепая мысль.

Лена вздохнула, вытянула альбом из разжавшихся Янких рук... и рассмеялась, и сила скрылась за беспечно-подростковой улыбкой, за лукавым прищуром:

– Ладно, милый ребёнок, как хочешь. Не сейчас – так потом. *В верное время, в верном месте...* Будем считать, я и так всё знаю.

Это не было похоже на угрозу, да и улыбка была самой беззаботной, но...

– А я – ничего не знаю, – огрызнулась Янка, пятась. Она слишком хорошо помнила, что ещё полминуты назад Лена была совсем другой.

– Не знаешь? – с сочувствием в голосе протянула Лена. – Вот ведь зараза он, да?

Янка замерла с поднятой ногой:

– Кто?!

– Никто!

– Но... ты сейчас сказала: «Вот ведь зараза он»! Кто «он»?

Лена усмехнулась: быстро дёрнула уголком губ и только затем выдохнула носом короткий смешок-«пф».

– Тебе послышалось.

– Да слушай, что вообще...

Лена перебила её, приложив палец к губам, и кивнула куда-то за спину Янки. Та обернулась, но ничего не увидела – вдалеке толпа ребят гоняет мяч, на берегу в задумчивости курит тот мужик... Когда Янка повернулась обратно, Лены, разумеется, уже не было.

Ещё минуту назад Янке хотелось сбежать на край света, а теперь стало страшно сойти с моста. Вдруг кто ещё встретится? И снова с вопросом: «Откуда у тебя этот кулон?»

Она и сама не хотела вспоминать, откуда.

За спиной почудился смешок Лены, но когда Янка круто развернулась, выдохнув: «Да чего тебе нужно?!» – то поймала только удивлённый взгляд мамочки, с усилием вкатывающей на мост коляску.

«Я всё-таки схожу с ума, – горько вздохнула Янка, облокотившись о перила. – А говорят ещё, что психи счастливее нормальных людей! Утопиться, что ли? Случайно. Как Офелия...»

Рыбка как живая выскользнула из-за ворота и повисла на цепочке, раскачиваясь туда-сюда, в такт сердцу, тумс-тумс.

Мается, мается налитый золотом маятник...

Золотом? Подвеска стальная! Янка схватила рыбку, обжигаясь, сжала её в кулак, но свет толчками выплёскивался, как золотая краска, и даже ладонь не была помехой – при вспышке сквозь кожу просвечивала каждая косточка, словно на рентгене.

«Я... я задыхаюсь», – поняла Янка вдруг. Жар упругим

комом перетекал из рыбки в грудь и обратно, мешая дышать самой, подчиняя своему пульсу.

Янка почувствовала себя бомбой, которая может взорваться в любой момент.

«А если... и вправду – взорвусь? Что я такое? Во что меня превратила эта рыбка?!» – колотилось в висках.

Янка отшатнулась от воды, шагнула назад раз, другой, а свет бился птицей в ладони, словно сжимаешь в горсти собственное сердце...

Тум-тум-ту-ту-т-т-т...

И в тот момент, когда Янка должна была уткнуться в перила, мир исчез вместе с пульсом. Фантазия охотно дорисовала толкающую в плечо – тянущую на себя? – руку, на ногте среднего пальца которой издевательски улыбался смайлик.

Уже заваливаясь назад, уже замечая краем глаза позёмку, треснувший асфальт и щербатые кирпичи... Янка отчаянно дёрнулась, почти срывая с шеи рыбку, и упала на четвереньки. Никакого мёртвого города. Всё тот же мост, всё так же галдят вдалеке дети, гоняя мяч.

Старательно не обращая внимания на испуганно-подозрительный взгляд той мамочки с коляской, Янка заправила рыбку за ворот, поднялась на ноги и похромала домой. Можно было сколько угодно говорить себе, что всё почудилось... только поверить в это с каждым разом было всё труднее.

...Лену она увидела, когда отошла метров на двадцать и обернулась. Та шагала по перилам моста, словно по тротуа-

ру, а понизу рядом целеустремлённо топал большой белый пёс.

Вот посреди моста Лена, взмахнув руками, спрыгнула с перил, остановилась, что-то говоря псу, а тот склонил голову набок, словно внимательно слушает... а потом чуть привстал на задних лапах и от души лизнул Лену в щёку.

Янка отвернулась и зашагала прочь. Ощущение, что пёс действительно *внимательно слушал*, развеялось.

Лена обернулась и проводила девочку серьёзным взглядом.

– Смешная, – задумчиво произнесла она. – Да, Лохматый? Такой милый ребёнок, даже жалко.

Пёс фыркнул – то ли соглашаясь, то ли наоборот.

Мгновение знания. Лена

В пятнадцать все такие смешные и взрослые, не то что через десять, двадцать, да хоть пятьдесят лет, у кого как. Нет, потом этой веры в свою взрослость уже так просто, авансом – не добиться. Только через сотни дорог, потерь, расставаний и встреч, через собирание себя и мира по осколкам, на двусторонний скотч или на шотландский, или хотя бы на недопитый кем-то портвейн поздней ночью в одиночестве на чужой кухне... да даже чай сгодится, если, конечно, выпит в верное время, в верном месте, как надо.

В пятнадцать... В пятнадцать – две русых косы, хотя нет, не косы – так, туго утянутые косички с тёмными бантиками, заколотые в причёску, какая мелочь, вот через пять лет... Но даже и тогда, в двадцать, с тяжёлым золотым узлом на затылке, можно было бы, пожалуй, позавидовать тёмным кудрям этой Янки, зачем-то прячущей такую красоту под капюшоном... А уж сейчас что о себе говорить, не волосы, а смех один, смех и грех.

Можно и в другом девочке позавидовать: умению пугаться неизвестного... и упрямству, с которым она цепляется за свой мир. А ещё – живому времени и незнанию своей природы, и дару, который девочка оценить не может, и...

Давай честно, а? Завидовать нечему, девочка не представляет, во что вляпалась, наверняка себе уже придумала удоб-

ное объяснение про глюки, сны и переходный возраст, знаем, проходили, как же она похожа на... Ладно, об этом не будем. Тут не завидовать нужно, а пожалеть. Уметь бы только, помнить бы, каково это, да?

И всё-таки зависть есть – у неё всё впереди. Восхитительный и болезненный процесс познания себя...

Дай мне поддержать твою рыбку, милая девочка с горькими глазами.

Дай мне поддержать рыбку, и я, так и быть, скажу то, что ты ещё не знаешь.

Дай... А ты бежишь.

Глупая, милая девочка. Мы догоним, не здесь, так там, за гранью, за порогом – сквозь время, пространство и свет.

Да, Лохматый?

Глава 2. Слишком близко

Встреча на мосту надолго выбила Янку из колеи. Мир ощущался треснувшим, хрупким, как яичная скорлупа, тронь – и расколется на куски, выпуская... выпуская... Янка не знала, кто должен вылупиться из треснувшего мира. Но ей заранее было жутко.

Мама возвращалась домой только к ночи, была рассеянна и улыбчива – той самой улыбкой наизнанку, улыбкой-для-телефонной-трубки; Янка в ответ злилась, отмалчивалась, но про себя была даже рада, что не приходится отвечать на вопросы про заплаканные глаза и сгрызенные ногти. Горе своё и страх перед неведомым Янка переживала молча.

Клан Вика в «танчиках» неизменно висел на своём привычном месте во второй сотне, словно не заметив потери одного из разведчиков, – Янка проверяла это каждый день, злясь потом на себя за это любопытство.

Иногда, глядя на свой ник, Янка думала, что нельзя быть такой провидицей. «Orphelia»... Да, ник был взят просто из любви к самой эстетике картин – прозрачная вода, волна золотых волос, цветы и прекрасное, неземное лицо несчастной девушки. Потом уже Вик наскоро пересказал «Гамлета», прямо в клановом чате после очередного боя, где Янка скоростижно пала смертью храбрых на третьей минуте.

Но в оригинале Офелия сошла с ума и погибла из-за от-

вергнутой любви. И это только со стороны выглядит красиво, а когда твой мир внезапно трескается – и разум отказывает? ...Катастрофа разлилась в субботу.

Снова в субботу, ровно через две недели после того несчастного забега через парк, обернувшегося путешествием на всю ночь. Как будто мирозданию доставляло особенное удовольствие отзеркаливать одну и ту же ситуацию – а в этот раз как поступишь? Ты всё тот же человек – или изменился навсегда?..

Возвращаясь из изостудии, Янка теперь всегда дожидалась автобуса. Хватит, больше ноги её в парке не будет! Всего две остановки – зато всё точно и предсказуемо... кроме времени прибытия автобуса. На телефоне закончились деньги, номер блокировался вместе с интернетом, и теперь ни тебе транспорт посмотреть, ни «вконтакт» заглянуть. Новомодным вай-фаем остановку до сих пор не оснастили, а возвращаться в метро за одним только интернетом было как-то глупо.

Глубоко упихав руки в карманы, Янка сидела под козырьком, мёрзла и упрямо ждала автобус из неведомых далей.

– Сударыня, а у вас свежий «Калашников» есть? – послышался голос неподалёку, и Янка встрепенулась. Ну конечно! Можно же купить журнал и почитать, пока ждёшь!

У призывно светящего окошками киоска «Пресса» любитель оружия расплачивался с продавщицей, галантно называя её «сударыня». Янка подождала, пока он отойдёт – всё

равно из-за его широкой спины ничего не было видно, – и просочилась к окошку, мазанув по мужчине взглядом.

Блеснувший сединой ёжик, зелёная куртка, грузная фигура... Мужчина показался знакомым – очень смутно, как человек, с которым случайно столкнулся в лифте и даже не вспомнишь потом, на какой этаж он ехал...

– А есть «Мир танков» крайний?

– Последний?

– Ну да, да.

«Мир танков» оказался старым, и Янка сердито пнула носком кеда стенку, отходя.

«Не вез-с-сёт, — констатировал внутренний голос со змеиным присвистом. – Больше ни в чём и никогда, да-а...»

И это было отвратительно похоже на правду.

Вернувшись к остановке, Янка потопталась, напрасно вглядываясь в тот конец улицы, потом вздохнула, шёпотом выругалась и пошла по тротуару, бросая опасливые взгляды на ограду парка, по которой бежали отблески фар проезжающих машин.

Несмотря на горящие вдоль аллей фонари, парк казался тёмным и неудобным – особенно когда порывы ветра заставляли голые ветки гнуться в ведьмовском танце. Янка надвинула капюшон, чтобы не смотреть по сторонам, достала из сумки клубок наушников, неторопливо – самой себе не показывая страха – распутала их и наконец заткнула уши, включая погромче «дрэгонов».

Музыка, как всегда, сделала мир на порядок дружелюбнее. Мурлыча под нос неразборчивую скороговорку английских слов, Янка топала вперёд и уже совсем ничего на свете не боялась... Но когда особенно резкий порыв ветра дёрнул капюшон, ей вдруг показалось, что кто-то идёт следом – неясная тень, пойманная краем глаза в беззвучном и тёмном внешнем мире.

Янка осторожно обернулась, вынимая один из наушников...

– Аш-ш... Тьфу ты, – выдохнула она судорожно. Следом шла всего лишь дворняга. Не та, что обычно у метро попрошайничала, незнакомая, серая и лохматая. – Псина, ты чья?

Собака ответила Янке недовольным взглядом снизу вверх, словно говоря: «Сама ты «псина», девочка!» – но, конечно, ничего пояснять не стала и уселась неподалёку.

Ошейника на ней не было.

Янка перебрала в уме содержимое сумки: кошелёк, ключи, карандаши, скетчбук, пара запасных резинок, недоеденная пачка сухариков и пудра. Кажется, всё. Не сухариками же подкармливать собаку!

Но Янка всё-таки вытащила несколько сухарей покрупнее, один разгрызла, а остаток на ладони протянула собаке:

– Эй, «три корочки» будешь? Типа с беконом. У меня ничего другого нет, извини.

Собака принялась и отвернулась.

– Ясно, «тигры это не едят», – сделала вывод Янка, от-

правляя сухарики в рот, повернулась и пошла дальше.

Но капюшон откинула, краем глаза следя за собакой. Та, помедлив, поднялась, словно бы даже став выше ростом, – и пошла следом.

– Учти, мать никогда мне не разрешит тебя взять, – с наигранной бодростью сообщила Янка, хотя от внимательного собачьего взгляда стало на секунду не по себе. Потом всё-таки надела капюшон, снова отсекая внешний мир, вставила наушник и ускорила шаг, старательно игнорируя желание обернуться. Мало ли привязчивых дворняг...

Конечно, эта не выглядела бездомной – исхудавшей, больной или грязной. Косматый мех, горбоносая морда, мало похожая на любую известную Янке породу, по-дворняжьки смышлёные глаза и... Нет, не будет Янка об этом думать. А то снова каждый частичкой кожи почувствует трещину, пробежавшую по скорлупе привычного мира.

Уже на повороте, когда парк остался позади, Янку обогнал автобус. Янка в сердцах пнула фонарный столб и защёлкала кнопкой на проводе наушников, переключая треки. Выбрала самый энергичный, чтобы почти срываться в бег: шаг-шаг, быстрее-быстрее, и никакие мысли тебя просто не догонят, а те, что успели заскочить в голову, вытряхиваются через три пружинистых шага. И нету странной собаки, других людей и всего мира – только асфальт под ногами, свет фонарей и чёткий ритм, которому подчиняешься – и наконец-то расслабляешься.

Взлетев по лестнице на третий этаж, Янка отдышалась, пытаясь проглотить выскакивающее сердце – её сердце, целенькое, здоровое, колотящееся в горле, – и сунула ключ в замок. Два оборота, вынуть, надавить на ручку...

Вот ярко светит лампа, на кухне шумит электрочайник, слышится чей-то голос... телевизор?

Вот стоят под вешалкой мужские лакированные ботинки.

Вот мама, выглянувшая из кухни – не одна! – смущённо представляет:

– Лер, это Яна. Яныч, это Лера, он...

Янка не успела разглядеть его лицо. Только щёлкнуло в мозгу: «Лера – Валера – Валерий», – и вот уже Янка несётся вниз по лестнице, а в наушниках стучит сердце.

«Несправедливо! Мам, так несправедливо! А я? А папа? Ну и что, что он...»

У подъезда сидел, уткнувшись носом в журнал, давешний мужчина. Янка его не заметила бы, не запнись о ноги, – но удержалась, мазанула взглядом, слабо удивилась и бросилась дальше.

– Яна! – послышался оклик, когда она уже выскакивала из двора.

Последние сомнения – *этот мужик просто ждёт кого-то, это случайность, просто случайность*, – развеялись.

Мужчина ждал её.

Янка бросилась во весь дух. Просто летела, утирая злые слёзы, вперёд, вперёд, прочь отсюда, как можно дальше от

топота чужих шагов... Очнулась Янка только в том самом парке, куда клялась себе больше не заходить. Топота за спиной уже не было, и Янка перешла на шаг, всхлипывая, задыхаясь и мечтая провалиться сквозь землю. Куда угодно, хоть в Австралию...

«Куда угодно, пожалуйста, пожалуйста, прочь отсюда, в никуда...»

В сердце, заставляя нелепо застыть с поднятой ногой, натянулась невидимая струна – до звона, до мелкой дрожи, а потом словно бы кто-то сказал: «Да оставь ты её, не маленькая. Погуляет и вернётся».

И мамин голос будто бы ответил: «Но... Да, конечно, Лер».

Янка напряглась – и шагнула вслепую вперёд, сквозь... что-то. Струна лопнула, рыбка обожгла грудь, мир с оглушительным треском раскололся, стало светлее...

Серая тень обогнала Янку бесшумно. Знакомая собака встала на пути, перегораживая проход – попробуй обойти такую махину.

– Пусти, – прошептала Янка, останавливаясь. – Я кому сказала! Фу! Сидеть! Пусти!

Никакой реакции. Взгляд собаки – глаза в глаза – показался откровенно насмешливым... и внимательным. Только тут Янка вспомнила, почему же собака ей знакома.

Это был пёс Лены.

Янка огляделась... зажмурилась, вслух досчитала до семи

и снова открыла глаза.

Улица, собранная из разномастных заброшенных домов, никуда не делась. В ближайшем пыльном окне отражалось крохотное красное солнце, зависшее над самым горизонтом – настолько тусклое и маленькое, что не разгоняло густые синие сумерки.

– Мамочки... – Одной рукой накрыв спрятанную под толстовкой рыбку, а другой вытаскивая из ушей бесполезные наушники, Янка тщетно пыталась рассказать себе, что опять неудачно заснула.

«С-спи-шь? Когда во с-сне так холодно, ты просыпа-еш-шься, вс-егда...» – заметил чересчур пронизательный внутренний голос.

– Заткнись, – шёпотом сказала ему Янка.

Но голос и сам уже довольно замолчал, зная: возразить ей нечего. Из ловушки мёртвого города выхода нет.

– Некоторые галлюцинации бывают чересчур убедительными... – пробормотала Янка, пытаясь отойти в сторону, но пёс не дал. Ему для этого даже не нужно было сдвигаться с места – так, качнуться достаточно.

Несколько секунд они стояли неподвижно, но эту игру в гляделки Янка проиграла с треском.

– Хоро-оший пёсик, – пробормотала она. – Или ты собачка?

Впрочем, хватило одного взгляда, чтобы понять: в природе этого громадного пса с почти медвежьей мордой было от-

нюдь не нянченье щенков.

Немигающий взгляд тёмных глаз гипнотизировал. На очередном «п-пусти, хороший пёсик» пёс многозначительно приподнял верхнюю губу, демонстрируя набор прекрасных белоснежных клыков, и Янка заткнулась.

«Мамочки... Нет, соберись, Ян, соберись, Офелия, ну пожалуйста, кто-нибудь, спасите меня, мамочки... надо бежать... холодно... Соберись, ради Бога!»

Пёс одним шагом преодолел разделяющее их расстояние, заставляя прижаться спиной к стене, и внутренний монолог сорвался в беспомощное подвывание.

А пёс спокойно уселся, не сводя взгляда с Янки... и с невидимой под толстовкой рыбки.

Когда мысленная паника достигла своего пика и мир вокруг словно зазвенел от напряжения, Янка запустила руку за ворот, сжала рыбку так, что горячий металл до боли впился в кожу... и с ошарашившей её саму твёрдостью решила: выждать, пока пёс отвлечётся, – и прыгать вбок, и бежать, бежать! Иначе напряжение разорвёт её в клочья куда раньше, чем это сделает пёс.

Низкое солнце рождало длинные-длинные неверные тени, и Янке показалось, что у пса тень не одна, а целых три, причём две куда меньше. Пёс, убедившись, что пленница стоит смиренно, вдруг широко зевнул и улёгся белоснежной горой.

«Так, Ян... Соберись! Три, два...»

Перед глазами словно вспыхивают привычные надписи:

До начала боя осталось

00:03!

00:02!

00:01!

Бой начинается!

...Пёс ещё не успел опустить на землю морду, а Янка невероятным прыжком кинула себя вправо, упала, вскочила и бросилась бежать, на волосок ускользнув от клацнувшей у капюшона пасти. Нырнула в переулок, надеясь выгадать пару секунд, запнулась, кубарем полетела вперёд...

– Успел, – удовлетворённо сообщил знакомый голос, и чьи-то руки подхватили, не давая упасть.

«Это сон... Только сны могут так повторяться», – с облегчением поняла Янка.

С бело-серого капюшона задорно пялились вышитые глаза.

– Там... там... – Янка попыталась предупредить, что за ней гонится гигантский пёс, но Тот мягко потянул её за плечо вниз, заставляя присесть, а силы в его руках оказалось куда больше, чем представлялось Янке.

– Чш-ш, – выдохнул он, – всё хорошо. Я тебя сейчас выведу. Почему ты опять сюда провалилась, а?

– Я... – Янка запнулась, озираясь, но ни пёс, ни Лена так и не появились. А без доказательств рассказ про страшную собаку, непонятого мужика и парк выглядел невнятным и сомнительным.

– Ну, у тебя же, небось, родители, друзья, братья-сёстры есть? – Пацан откинул капюшон и уселся по-турецки прямо на мёрзлой земле.

Янка впервые сумела рассмотреть его лицо.

Лохматый, черноволосый – каким и запомнился. Вот только при свете стало ясно, что не такой уж он и малявка – если и младше Янки, то не сильно. Обманывали рост и порывистые движения, нелепая пижама и скрывающий лицо капюшон... А лицо у Тота оказалось взрослее.

А ещё у него были синие глаза. Невозможные – не голубые, не серые, густо-синие. Как у котят или новорождённых.

– Эй, – Тот пихнул Янку и тут же ухватил за плечо, не давай потерять равновесие. – Заснула?

– Нет, – пробормотала Янка, стяхивая наваждение. – Просто... нету у меня никого.

– Как так?! – ошарашенно моргнул Тот, болезненно напомним этим Вика. – Ты бы тогда уже... Короче, не, не может быть. Не у тебя. Мама там, друзья, возлюбленный, всё такое?

– Мать есть, – согласилась Янка. – Только ей на меня плевать. У неё этот... служебный роман, во.

Воспоминание о Лере резануло по сердцу. Надо же, в памяти – ни лица, ни фигуры, ни даже одежды. Вообще ничего, не человек, а живое мамино предательство.

– А...

– Она меня одна воспитывает. И парня у меня... нет, – Янка поняла, что ещё один вопрос, и Тот получит за всё: за

бесцеремонность, за таинственность, за Вика до кучи...

И за то, что где-то за поворотом затаился громадный белый пёс.

– Понял, понял, – сник парень, поднимая ладонь. – Ты так смотришь, будто укусишь сейчас.

– Что? – у Янки вырвался нервный смешок.

Тот демонстративно выдохнул и слитным движением вскочил на ноги, протягивая руку:

– Пойдём!

– Куда?

– Нам нужны рельсы, – важно, но непонятно объяснил Тот. – И идти. Конечно, у нас впереди ещё целый день, но... лучше поторопиться.

Он замер, словно к чему-то прислушивался.

– Подожди! – вдруг сообразила Янка, вскакивая, и обернулась, высматривая в проходе между домами солнце. – Но ведь сейчас закат... разве нет?

– Не-а, утро ещё. Солнце здесь вообще не поднимается высоко, так и ползёт вдоль горизонта... Это же ноябрь.

– Октябрь, – машинально поправила Янка. – Ещё только тридцатое.

«Боже, о чём мы говорим... Там по нашему следу гигантский белый пёс сейчас приведёт Лену, а я время и дату уточню!»

– Ты не поняла, – пожал плечами Тот, уже шагая по перелу вперёд.

– Чего не поняла? Тридцатое сегодня точно!

– Да хоть сто сорок первое. Здесь – ноябрь. Не по календарю, а навсегда... Считай это названием.

Янка поёжилась: и впрямь холодный ноябрь, вон даже кое-где невесомой пудрой белеет первый снег... Но навсегда? Круглый год? Это значит... это значит...

– Знаешь, – осторожно начала она, – довольно сложно вот так вот поверить в существование... – она запнулась, – параллельного мира.

– Какого нафиг параллельного? – удивился Тот, оборачиваясь. – Такие пространства, как Ноябрь, – часть мира.

– Ну... – Янка смутилась. – Тогда где мы? Я ведь бежала по парку, но там совершенно точно нет... всего этого. И если я была в парке, то сейчас-то мы... где?

– С этой точки зрения... ну, нигде, – пожал плечами Тот, неохотно замедляя шаг. – Если ты про тот твой парк. Мы на изнанке. На... чердаке мира. Просто в Ноябре, в конце концов.

Не успела Янка нагнать своего провожатого, как тот резко затормозил и обернулся, так что она по инерции сделала ещё два шага вперёд и уткнулась в него.

«Всё-таки ниже, – довольно отметила она, глядя на лохматую макушку. – Полголовы, кажется».

А Тот вдруг привстал на цыпочки, сунул руку ей за ворот толстовки и зашарил там – и футболка вмиг показалась слишком тонкой. Но прежде чем Янка успела стукнуть бес-

стыжего мальчишку, он сноровисто уклонился от кулака и... осторожно поцеловал рыбку.

Сердце обожгло жаркой болью, выбивая дыхание, словно Янка проглотила огонь, – но пульс не пропал, наоборот, заколотился, как бешеный.

Гигантский пёс внезапно стал совсем неважным и нестрашным.

А цепочка была слишком – слишком! – короткой, чтобы отшатнуться.

– Ян, приходи завтра, – попросил Тот очень серьёзно, прижимая рыбку к щеке, и та в его ладони сияла маленьким солнцем. – Мне тут не справиться без рыбки, а значит – без тебя.

– Что? – Янка вздрогнула. – Куда приходиться? В парк?

– Зачем в парк? – удивился в свою очередь Тот.

Янке не нужно было прикасаться к рыбке, чтобы понять, что она горячая. Глядя на Тота, она сама почти ощущала металлический огонёк у щеки.

– Ну, оба раза я попадала сюда из парка по дороге от метро, понимаешь? – Янка вконец смутилась, опустила взгляд и принялась старательно рассматривать выщербленный асфальт и россыпь навечно вржавевших в него монеток.

– А! Ты думаешь, в парке находится портал или, там, телепорт? – рассмеялся Тот. – Да нет, просто первый раз тебя в Ноябрь... выбросило. А второй раз не должно было, но почему-то всё равно выбросило тоже. Просто совпадение.

Сердце колотилось живой птицей.

– А куда тогда приходиться? – Янка перевела взгляд себе на грудь, подсознательно ожидая, что жар пробивается светом сквозь рёбра, но на толстовке лежали только отсветы огонька рыбки.

Мысль отказать Тоту в этот момент казалась чем-то кощунственным.

Не сейчас. Не пока он держит рыбку в своей руке.

– Ну... – Тот о чём-то задумался. Янка видела краем глаза, как он переминается с ноги на ногу, как мерцает рыбка... но не могла заставить себя посмотреть в его сторону. А ещё не могла решить, чего хочет больше: чтобы Тот наконец-то выпустил рыбку из руки, жар ушёл и всё это закончилось... или чтобы не заканчивалось как можно дольше.

Из ступора её вывел очередное странное заявление:

– Ну, тебе виднее.

– В смысле?!

– Ну... Рыбка-то у тебя, понимаешь?

– Не понимаю!

– Да я сам особо не знаю! Просто рыбка у тебя, она и должна... Не, ну не знаю, может, тебе не снится, там, какое-нибудь место?

«Мёртвый город», – сразу же подумала Янка. Но ясно было, что Тот не о нём спрашивает. Город – вот он, скалится битыми стёклами, на кромках которых сверкают багряные солнечные блики.

Тогда Янка спросила:

– Помнишь, где ты нас... вывел?

– Нет, но допустим.

– Аш-ш... Там пешеходный мост над дорогой, весь граффити расписанный, помнишь? Я потом видела фотку... там ДТП было. Наверное, из-за этого-то и снилось пару раз. Какая-то муть. Что-то взрывалось... Нет, не помню деталей. В общем, мост, граффити и надпись: *«А мы пойдём с тобою, погуляем по трамвайным рельсам»*.

– Вот прям так?!

Янке не нужно было смотреть на Тота, чтобы понять, что он вытянулся, как охотничья собака, взявшая след.

– Это цитата... Я потом загулила. Какая-то песня... странная.

– Ага, знаю. Значит, пешеходный мост?

– Да. А ты... Ты серьёзно не знаешь, куда нас вывел?!

– Не-а, – беспечно отозвался Тот и медленно разжал пальцы. Рыбка упала Янке на грудь, больно толкнувшись в рёбра – и сердце ответило с той стороны, словно рыбка и сердце хотели пробиться друг к другу.

Янка с трудом заставила себя вдохнуть холодный ноябрьский воздух, вставший поперёк горла.

– Я вывел вас примерно посередине между местами, где вас выбросило. С точностью у меня в этом деле, извини, не очень... Короче, ты приходи завтра туда, а я по тебе ориентируюсь. По рыбке. – Тот провёл пальцем по подвеске, и вот

тут Янка не выдержала и поспешно убрала рыбку под ворот. Бешеное свечение угасло – стало мягче, глуше и уже не пробивалось сквозь ткань.

– Ладно, – пробормотала Янка, которой никак не удавалось поверить в собственное согласие.

– Тогда пошли, вон рельсы, видишь?

Янка взгляделась, но против света только беспомощно моргала. Хотя вон отблеск на перекрёстке – почудился или нет?

Не почудился. Действительно, по широкой улице под горку бежали трамвайные рельсы, как и всё здесь – изрядно ржавые, только кое-где ещё блестел металл. Между шпалами забился всякий мелкий мусор: бумажки, гайки, запылившиеся игрушки из киндер-сюрпризов... Янка на ходу наклонилась и подобрала одну – обаятельного пингвинёнка во фраке, но Тот молча отнял, выронил и только через несколько шагов пояснил:

– Не надо. Тебя и так сюда второй раз выбросило, тебе мало?

Янка поёжилась и дальше уже старалась мусор под ногами не рассматривать, а через несколько шагов, когда Тот ухватил её за руку, просто закрыла глаза – как в прошлый раз. Тот несколько шагов вёл её, а потом потянул вперёд, на себя...

В этот раз Янка в последний момент замешкалась – и открыла глаза. И, двигаясь вперёд по инерции, успела увидеть, что шагает прямо в Тота.

Столкновения не было. Так и отпечаталось в памяти: довольная ухмылка из-под капюшона, чёрный нос-пуговка, два весёлых вышитых глаза – и свет паркового фонаря впереди. Басовитый лай, наверное, всё-таки почудился.

Мгновение чужого прошлого. Димка

Когда Димка понял, что это всё взаправду, всерьёз и надолго, когда за мамой закрылась дверь, и все её инструкции, утешительно-нежное «Не скучай», поцелуй в щёку и испуганные глаза, которые она старательно прятала от сына, – стали свершившимся фактом Димкиного прошлого... Нет, он, конечно, не разревелся, как малявка. Но, может быть, спасибо сказать за это стоило не собственной выдержке, а сидящей на койке напротив «очень милой женщине Лидии Михайлове», как её представила мама минут десять назад.

«Милая женщина» обладала статью и басом дембеля-де-сантника, брэнчащей в кармане связкой ключей и сочувственным взглядом весом в полтонны. И этот взгляд лежал сейчас на Димке.

– Так. Ну, ты парень взрослый уже, так что давай постарайся без этого вот... – Тётка изобразила рукой что-то неопределённое, но это было настолько беспощадно пронизательно, что Димка судорожно шмыгнул носом и торопливо вытер глаза рукавом.

Тётка удовлетворённо кивнула и улыбнулась. Улыбка у неё была под стать взгляду по весу, но Димке почему-то стало чуть-чуть легче.

– Вот, так лучше. Жизнь-то – она, считай, полосатая... так что ищи в самой тёмной полоске светлые пятна. Не бывает такого, чтобы не попало хоть пара крапинок. Ну, например, ты у нас тут все ваши годовые контрольные переси-дишь...

Димка невольно хмыкнул: с этой точки зрения, действительно, в общей безнадёге нарисовался какой-то просвет. Хотя бы потому, что годовые контрольные были штукой неприятной, но понятной, и как реагировать на известие, что ты от них увильнёшь – любому нормальному школьнику ясно...

Нормальному. Школьнику.

Димка закусил губу, но ничего не сказал и даже думать себе в эту сторону запретил.

– Ты у нас психом на данный момент не числишься, – беспощадно продолжала тем временем Лидия Михайловна, – так что, считай, в санаторий на пару недель залёг. Сегодня обживайся, а завтра я к тебе Игорька подселю. Считай, общественная нагрузка, как на самого тут нормального. – Тётка хмыкнула, Димка поёжился. – Ты не бойся, Игорёк – он тихий, ему скажешь – он сделает. Вот и будешь смотреть и, когда надо, говорить. Ну и в столовую водить, а ест он уже сам, так что больше, считай, ничего. Завтрак в девять, обед в два, ужин в шесть, отбой в десять. Телевизор и книжки – до отбоя... но процедур у тебя нету, так что ночник дам – и сиди, читай, если хочешь. Я девчонок дежурных предупрежу,

чтоб не кантовали. Койку... ну, занимай любую – лучше вон ту, у окна. Там матрас новый, а белье свежее я тебе сейчас выдам. Сам застелешь?

Димка на автопилоте кивнул.

...Ему тогда мама сказала – это ненадолго. На недельку, максимум – две. И он, конечно же, не псих, просто переутомился... и надо только чуть-чуть отдохнуть под присмотром квалифицированного специалиста, и всё наладится.

Димка был твёрдо убеждён, что с ним и так всё «налажено», но у мамы были такие глаза, что... не стал он спорить, в общем. И беспрекословно переделся из школьной формы в тренировочный костюм – «Это вместо пижамы, а шорты и рубашка – для улицы, я рукав зашила, видишь, а то продрал опять, они будут храниться у сестры-хозяйки, зовут её Лидия Михайловна, очень милая женщина, за тобой присмотрит!»

Пионерский галстук Димка отдавать не стал – это было бы... ну, как расписаться в том, что обычная жизнь осталась позади. Вместо этого Димка аккуратно его свернул и заснул в карман шортов – и вдруг там, в кармане, наткнулся на спичечный коробок, в каких все мальчишки хранят свои сокровища. Вытащил, приоткрыл – и обомлел.

В коробке лежала капелька янтаря, найденная посреди пыльной дороги ещё *до всего этого*. Обычно в янтаре можно увидеть пузырьки или, если очень повезёт, мушку... в этой же капле смолы навечно застряла искорка света. Она до сих

пор сияла, словно в солнечном луче, хотя Димка стоял спиной к окну... Сияла так же ярко, как и в тот миг, когда Димка подобрал камешек и сунул в коробок по дороге к танку-памятнику.

Тому самому танку, с которого всё началось.

Или... всё началось с этого кусочка янтаря?..

Быстро обернувшись, Димка убедился, что мама с Лидией Михайловной оживлённо что-то обсуждают, и торопливо засунул коробок в карман треников.

Камушек светился.

Камушек казался *живым*.

Глава 3. Шаг сквозь

Янка сидела на кровати, комкая в руках водолазку, и никак не могла поверить, что сейчас – на самом деле – вот так вот возьмёт, уйдёт и сядет на автобус до Энска.

И ни слова не скажет маме. Потому что из-за вчерашнего они не разговаривают.

– Соберись! – сказала Янка самой себе.

– *И пус-с-сть она не зна-ает,* – пропел-прошипел внутренний голос, который ещё не простил матери Леру.

– *Надо потеплее одеться,* – озабоченно сообщила пронизательная интуиция. – *В Ноябре холодно.*

– Я не собираюсь в... Ноябрь. Я просто поглазеть на граффити на мосту, – слабо возразила Янка.

– *Конеш-шно,* – поддержал внутренний голос. – *Кому ты там нуж-ш-ина?!*

– Я нужна самой себе. «Не останавливаться, не оглядываться, ни на кого не полагаться», – процитировала Янка сказанное когда-то Виком про тактику лёгких танков. – Ясно?

– *Это и значит: никому не нуж-ш-ина...*

– Хватит!

Докатилась: сидит и сама с собой разговаривает. Вот он, очередной признак шизофрении!

Пользуясь моментом отрезвляющей злости, Янка натянула водолазку и выскочила в коридор, на ходу никак не попа-

дая в рукава толстовки. Глянув в зеркало, решительно стянула волосы в тяжёлый рыхлый узел. Капюшон поглубже, кеды на ноги, ещё один быстрый взгляд в зеркало, на ветровку – а затем на тёплую куртку, которую мама, проявив несвойственную ей нынче заботливость, вывесила на видное место на вешалке...

– А ведь октябрь даже не закончился, – сердито выдохнула Янка, послушно натягивая куртку.

– Яныч, ты надолго?

Янка даже не повернула головы, но всё-таки бросила в воздух:

– Да.

Вскинула ремень сумки на плечо и, выходя, от души припечатала дверь. Всё что угодно, только не задумываться над настоящим ответом на мамин вопрос. Хотя бы потому что ответ – неизвестен.

«Зачем я в это ввязалась?!»

Но хватало одного воспоминания о рыбке в ладони Тота и солнечном жаре в груди, чтобы этот вопрос становился совершенно неважным.

...Автобус высадил на нужной остановке Янку и парочку бабулек, тут же бодро уковылявших по натопанной дорожке через поле к посёлку. Янка осталась наедине с потоком машин и смутно-знакомым пейзажем: неровно выкрашенный чёрной краской навес, низкое серое небо, почти цепляющее брюхом пешеходный мост, разбитая бетонная узкоколейка,

уходящая от остановки на противоположной стороне...

Тота не было, а надпись на мосту еле проглядывала сквозь слой цветастых узоров. Как Янка сумела разглядеть её в прошлый раз, ночью и второпях, оставалось только гадать. Иногда так бывает, какая-то деталь врежется в память и затмевает всё остальное: лица, обстоятельства... да хоть бушующий вокруг пожар, сорок танцующих слонов – ну или, как в этом случае, тёмную ночь.

– Ну, супер, – пробормотала Янка. – И стоило тащиться... Мне теперь до вечера здесь торчать, что ли?

– А зачем? – немедленно отозвался из-за спины весёлый голос.

Янка скрестила руки на груди, приняла самое мрачное выражение лица и обернулась:

– И давно ты тут?

– Только что появился!

Капюшон с ежиной мордой болтается за спиной, на плече висит треугольный чехол, похожий на футляр для скрипки, на ногах красуются тяжёлые ботинки. Тот очень своеобразно подошёл к вопросу экипировки в реальном мире.

Только увидев его здесь, на автобусной остановке, Янка поняла, насколько сама не верила в существование этого синеглазого нахала. Даже сейчас он казался скорее осколком сна, бредом, галлюцинацией, чем реальным существом из плоти и крови. Особенно сейчас! Когда мимо несутся машины, ветер лезет под капюшон... а этот Тот стоит возмути-

тельно реальный в своей нелепой пижаме и ухмыляется.

– Ты вообще человек? – вырвалось у Янки шёпотом.

– Э-э... Не факт, – оптимистично заявил Тот, всюю оглядываясь по сторонам. – Ты про этот мост говорила? Ага, вижу... Ну, пойдём!

Янка только пришибленно кивнула.

Тот уверенно взбежал по лестнице, выбивая из неё ботинками гулкий грохот. Только на последней ступеньке притормозил и пропустил вперёд Янку.

– А... что мне делать-то? – растерялась та, касаясь груди в том месте, где прощупывалась рыбка.

– Расслабься и скажи: «Маленькие ёжики, иголками гремя, ловили три сосиски на пороге Ноября».

– Маленькие ёжики, – послушно повторила Янка, – иголками гремя, ловили... Что?!

– Не знаю, мне всегда помогает успокоиться, – пожал плечами Тот. – А тебе нет?

– Да здесь даже рифмы нету!

– А зачем здесь рифма? Ну, хорошо... – он ненадолго задумался. – «На пороге Ноября рыба ловит рыбаля». И с рифмой, как ты просила, заметь.

– Издеваешься?! – пронзила Янку страшная догадка.

– Ни капли! – возмутился Тот. – Зато ты ожила хотя бы, а то смотреть тошно было.

– Да нормальная я была! – Янка ещё пыталась злиться, но уже понимала, что не может. Не когда Тот накидывает

на голову капюшон и умильно смотрит вышитыми ежиными глазами.

Злость растворилась, оставляя только смутный привкус: горчащий, тягостный.

Пока спорили, умудрились пройти весь мост и у второй лестницы притормозили, вглядываясь в переплетение граффити. Новых цитат не попадалось, зато совсем недавно – никто не успел закрасить – кто-то вывел на стене цепочку чёрных птиц-силуэтов. А может, это была и одна-единственная птица, просто размноженная во времени. Янка даже вернулась на несколько шагов, чтобы проследить весь птичий путь, не отвлекаясь.

...Птица взлетает где-то с середины моста, словно выныривает из-под многослойного лоскутного одеяла чужих граффити; мерно колышет крыльями: вверх-вниз, вверх-вниз, взмах-взмах; ближе к концу моста она вдруг набирает высоту, почти под самый потолок, и Янке приходится задрать голову. Капюшон откидывается за спину, Янка шагает вслепую – а птица складывает крылья и стремительным рощерком падает вниз. Рисунки отпечатываются один за другим на сетчатке – кажется, навечно. Янка наклоняется, птица уже оказывается на полу, рыбка выскальзывает из-за ворота, падает вперёд... и срывается.

Вместе с Янкиным сердцем.

Камнем вниз.

Янка ловит это движение краем глаза – сияющую каплю,

миниатюрную комету – и, наверное, только поэтому и замечает её так отчётливо.

Сердце ещё какое-то время стучит в груди как ни в чём не бывало, Янка рефлекторно смыкает пальцы на цепочке... Горячая рыбка обжигает ладонь у большого пальца.

И всё-таки Янка ясно помнит, как она упала – не размыкая цепочки, сквозь пол, быстрее взгляда!

Янка сбегает по лестнице, тщетно всматривается в ступеньки, в землю, даже на корточки приседает примерно под тем самым местом... Машины проносятся совсем рядом, так что поток воздуха растрёпывает узел волос, но Янке всё это кажется ненастоящим и нестрашным. Наверное, для страха нужно, чтобы сердце колотилось испуганно – а оно налито жаром, как будто в клетке из рёбер разгорается солнце. И ему там тесно.

Мир вокруг заволакивает сияющей пеленой.

– Эй, – вдруг зовёт Тот чуть в стороне. – Иди сюда, не бросайся под машины. Смотри.

Янка подходит, вновь опускается на корточки. Смотрит, массируя грудь в тщетной попытке унять солнце там, под рёбрами, и не чувствует себя – собой. Золотое марево плывёт перед глазами, плавит кости, колоколом гудит в голове.

Босоногий Тот садится рядом на одно колено и вжимает ладони в землю. В треугольнике между ладонями земля вдруг вспучивается, словно там в ускоренной съёмке пробивается росток.

– *Дай нам прикоснуться*, – просит Тот, обращаясь к кому-то. – *Сквозь время, сквозь пространство, сквозь...*

Рыбка становится тяжелее в несколько раз, и никаких сил не остаётся сидеть ровно, когда натянувшаяся цепочка пригибает шею к земле – навстречу... чему?

Под руками Тота что-то вспыхивает – такой же неуловимый прямым взглядом всполох – и вот уже в подставленную грязную ладонь падает... сначала Янке показалось – капля, но уже через мгновение она поняла, что *нечто* – твёрдое. Оно сияет так, что больно глазам: воплощённая вспышка, искра, застрявшая во времени, как мушка в янтаре... Сияние стихает через несколько ужасно долгих ударов сердца, и Тот сжимает кулак.

Солнце в груди гаснет тоже, и Янка вдруг понимает, что снова стала собой. Но кем же она тогда была?!

– Что это такое? – Рука сама собой сжалась на рыбке, а память тут же подсунула картинку: *боль-вспышка-жар-покой*. А ещё тот сон, и мост, исчезающий во взрыве света, и...

И вот, сейчас жар ушёл, но покоя нет, на место солнцу в груди пришёл холод промозглого октябрьского дня.

И от этого не спасает никакая куртка.

– Искра, капля того света, с которого когда-то *всё начало быть*, – ответил на вопрос Тот без привычной насмешки – тоже зачарованный произошедшим, притихший, серьёзный... взрослый. – Просто она почему-то застыла, откололась... не прозвучала *тогда*.

Он поднёс кулак к уху, словно раковину, в которой пытаешься услышать шум прибоя. Помолчал, послушал и произнёс ещё:

– Мы её называем *архэ*.

Понятнее не стало.

– Что со мной было? – Янку потряхивало от озноба всё ошутимее. И ещё – от страха. – То-от, что это было?! Во что меня эта рыбка превратила? Что произошло?! – она чувствовала, что если Тот не даст объяснений сию же секунду, то она сорвётся в истерику. Это как подступающая волна – ещё не пришла, но вода уже убегает из-под ног и собирается стеной впереди. И стена растёт, растёт...

– Эй, – Тот положил Янке свободную руку на плечо – в другой он по-прежнему сжимал «искру». – Всё нормально. Рыбка – точно такое же *архэ*, она ни во что тебя не превратит, просто... ну, ты же сама помнишь, да? Ну, перед тем как я надел тебе рыбку на шею...

Он говорил торопливо, сбивчиво, негромко, и Янка, вслушиваясь, потихоньку успокаивалась. Вода возвращалась в привычное русло, и было уже почти стыдно за едва не случившееся цунами истерики.

– Если это «просто» *архэ*, то объясни, почему я так... Что всё это было?! Ты видел? Там, наверху, эти птицы, и рыбка с шеи сорвалась, и... – слова из Янки сыпались, как крупа из продранной пачки, неостановимым дробным ручьём.

«Ну скажи ты мне, что я не сошла с ума!»

– Птиц видел, – подтвердил Тот. – Об остальном догадываюсь. Архэ стремятся друг к другу, как магниты. Без рыбки я б мог тут хоть сутки напролёт топтаться, не факт, что вообще когда-нибудь нашёл бы. Поэтому мне нужна ты.

– Но почему тогда это я словила все эти глюки, а не ты?! – Янка почти всерьёз прикинула, не обидеться ли, но так и не поняла, на кого. На Тота? На рыбку? На несправедливую жизнь и чувство юмора у Мироздания?!

– Потому что рыбка у тебя. Она сейчас с тобой связана... Со мной, конечно, тоже, – Тот не коснулся рыбки и пальцем, только посмотрел, но подвеска вспыхнула, и сердце откликнулось торопливым перестуком. – Но с тобой, ну... физически.

– Это в смысле на цепочке висит? – фыркнула Янка, поднимаясь на ноги и поспешно заправляя рыбку за ворот.

– Это в смысле она связана с твоим сердцем.

– Что?!

– Я связал рыбку с твоим сердцем... тогда, – скороговоркой выговорил Тот и, не дожидаясь очевидного вопроса «когда?», добавил: – При первой встрече, когда ты...

– Я поняла, – ровным голос ответила Янка и какое-то время бездумно смотрела, как Тот переминается с ноги на ногу – босой, нетерпеливый... А потом спросила вдруг: – Тебе не холодно?

Это был самый idiotский вопрос, какой только пришёл ей в голову.

– Ну... нет, – Тот пожал плечами даже как-то виновато, мол, рад бы мёрзнуть, как все нормальные люди, а как назло, не получается!

– Ты же в ботинках был? – полувопросительно сказала Янка, пытаясь понять, не приглючились ли ей те ботинки. – И ещё с какой-то штукой...

– Да там всё, – Тот мотнул головой в сторону лестницы. – Я разулся. Мне так проще, когда, ну... архэ добываю. Как это там зовётся... психологически проще, во!

– А зачем тогда ботинки?

– Ну, если кто меня увидит... Кигуруми и кигуруми, что такого, все уже как-то привыкли к «этим сумасшедшим анимешникам». А вот когда босиком... Да даже если я буду в отглаженных брюках и белой рубашке с галстуком, босиком я всё равно вызову самые страшные подозрения. Кто в дурку позвонит, кто ментов позовёт, кто просто привяжется – не сбежишь...

– И ты ни капельки не мёрзнешь.

Она хотела спросить другое. Но на самом деле уже спрашивала. *«Ты вообще человек?!»* – *«Э-э... Не факт»*.

– Не-а. Не умею. Ни капельки. Но... пойдём, обуюсь, ладно. Вдруг кто увидит ещё.

Они поднялись по лестнице ступенек на десять. Как раз здесь валялись ботинки Тота – он их даже не удосужился развязать, только сдёрнул шнурки с верхних крючков. На ступеньке выше поперёк дороги лежал и тот непонятный тре-

угольный чехол.

...Пока Тот обувался, Янка поднялась до моста, но не шагнула внутрь. Точнее, подалась вперёд всего на секунду и сразу же отпрянула, потому что в голове взорвалось: «Нет-нет-нет, только не она!» – и Янка бросилась к Тоту, вцепилась ему в плечо, подхватила со ступенек чехол...

– Эй, ты чего? – Тот чудом удержался на ногах.

Янка потащила его вниз и только на земле в себе силы ответить:

– Т-там... Лена. Она меня преследовала, понимаешь?! Она что-то знает! Она только поднялась на мост, а я сразу – вниз... Быстрее! Нам надо... отсюда!

Пока Тот переваривал сумбурное объяснение, Янка озиралась, прижимая к груди чехол, в котором прощупывалось что-то вытянутое, твёрдое и тяжёлое. Укрыться, как назло, негде, автобуса нет, не уехать, не сбежать... Броситься на дорогу ловить попутку? Да тут такой поток машин, что собьют и не заметят! Посёлок – и люди – остался на той стороне, Лена отрезала единственный путь туда... Что делать?!

На мосту кто-то гавкнул – басовито, гулко, эхо подхватило звук. От этого Тот вздрогнул и очнулся. Посмотрел на Янку, по сторонам, снова на Янку, куснул губу и кивнул:

– Ну, тогда давай двигать отсюда, пока... Ладно. Или ты автобус подождёшь?

– Смеёшься?!

Нутро как мокрую тряпку выкручивали невидимые ледя-

ные руки, и Янка была готова бежать куда угодно, только бы ускользнуть от Лены.

И они побежали – по узкоколейке, к виднеющемуся вдалеке высокому бетонному забору.

У запертых ворот Янка задохнулась от резкой остановки и собственного бессилия: пути нет!

Тот огляделся и решительно потопал вдоль забора, который уже через несколько шагов перестал казаться неприступным. Обветшалый, кое-где проломленный... Подходящая по размеру дыра нашлась шагах в двадцати от ворот.

На территории ощущение заброшенности усилилось во сто крат. Огромные ангары, низкие, но бесконечные в длину заводские корпуса, какие-то вышки и трубопроводы... И везде ржавчина, пыль, осколки, мусор, граффити на стенах и ни одного целого окна. Сначала Янке показалось, что они с Тотом вывалились в Ноябрь, но всё-таки воздух был другой. Живой?..

– Слушай, – Тот наконец-то отобрал порядком оттягивающий руки чехол. – Ты... пойдёшь со мной? Честно говоря, дальше без рыбки я справлюсь... наверное. Но проверять как-то не хочется, понимаешь?

Выражение глаз под капюшоном прочитать было совершенно невозможно, а вот ёж смотрел пристально. И просяще.

«Отличный выбор – угодить в пасть чудовищного пса Лены или отправиться в мёртвый город Ноябрь!»

– А...

– Я тебя проведу и выведу обратно. Если хочешь – прямо в тот твой парк. Я не дам тебя в обиду, обещаю. Защищу... А ты просто посмотришь, побудешь рядом. Хорошо?

«Защитишь... от кого?!» – хотела спросить Янка, но ёж смотрел так трогательно, что язык не повернулся, и Янка только кивнула.

Ёж радостно кивнул в ответ, и Тот торопливо объяснил:

– Здесь, в *забытом* месте, уйти проще всего. Мир не держит, понимаешь? Ты не бойся ничего, и сейчас, и... там. Только глаза закрой, ладно?

Янка послушалась.

– Иди сюда, – позвал Тот.

Янка сделала четыре шага и только после того, как Тот шепнул: «Открывай, всё» – поняла, что самого перехода не заметила.

Здесь снова было утро... или вечер – солнце висело над горизонтом. Маленькое, холодное, тускло-красное. Мёртвый город вырастал под ним из земли зубчатым силуэтом, ветер нёс пыль, смешанную с колким первым снегом, вокруг разливался синий холодный сумрак – и ни одной живой души вокруг. Пустынно, холодно... мертво.

Помимо воли в памяти всплыло:

«– Мы... где?»

– С этой точки зрения... ну, нигде».

Янка натянула капюшон поглубже и прижала руку к груди

– там даже сквозь ткань грела рыбка. Ей было неважно, где – *нигде* – Янка находится.

– Ну, потопали, – скомандовал Тот. Ему вся эта тягостная атмосфера явно была нипочём.

«Интересно... а он здесь живёт? – подумала про себя Янка, идя следом. – В обычном мире он, кажется, бывает не часто... Да и что ему у нас делать?»

Тот был слишком странным для обычного мира, а вот в роли единственного обитателя Ноября смотрелся в самый раз.

– А куда мы идём? – не выдержала Янка минуты через три. Город не приближался, оставаясь где-то слева, под красным солнцем.

Тот вместо ответа махнул рукой. Янка всмотрелась в пустырь – глина, земля, иней, кое-где пятна сухой травы, почти рассыпавшейся в труху, остатки разбитых дорог, словно все они были просто скинуты сюда за ненадобностью, как в чулан... Наконец сквозь всё это проступила полосатая лента шпал, серебристые змеи рельсов, и Янка выдохнула, догадавшись:

– К рельсам, да? А потом?

– А потом в город.

– Но... мы же сейчас идём в другую сторону!

– Мы идём к рельсам.

Янка ещё раз посмотрела на рельсы – в кои-то веки не ржавые! – потом на город...

– Да вон же он виден, тут не заблудишься!

Тот повторил за ней: посмотрел на рельсы, на город, – а потом вздохнул и медленно, терпеливо, как маленькому ребёнку, объяснил:

– Без рельсов нельзя. Это Ноябрь. Рельсы связывают его. Сшивают. Расправляют. Если идти вдоль них – всё хорошо, обычное пространство.

– А напрямик?

– Можно ли пройти бесконечность насквозь? – пожал плечами Тот. – Наверное, можно. Тем более с архэ в руке. Но мне хочется дойти быстро, понимаешь? В обозримом будущем!

Янка не очень поняла, но смирилась: вдоль рельсов – так вдоль рельсов, значит, до города ещё топать и топать...

Дальше они шли молча и быстро. И очень долго – рельсы, казалось, всё время были рядом, чуть впереди, но словно убегали, стоило сделать хоть шаг в их сторону. На то, чтобы приблизиться к ним, понадобилось по внутренним часам Янки не меньше получаса. Правда, телефон отчитался, что всего семь минут, но ему Янка уже не верила. Время скакало: на одной минутной цифре часы могли надолго залипнуть, а потом вдруг чуть ли не на глазах время проскакивало на две-три минуты – чтобы застрять снова.

Тот свернул за пару метров до рельсов в сторону и потопал вдоль них. Дело пошло веселее... Но Янка всё равно пропустила момент, когда город внезапно протянул к ним свою руку-улицу и окружил ветхими домиками с некогда белёными

стенами и деревянной треугольной крышей.

Тут Янка не выдержала и взмолилась о привале.

– Да ладно тебе, осталось чуть-чуть! – возмутился Тот.

– Чуть-чуть?! У меня ноги сейчас отвалятся, и поясница гудит!

– Ой, какие мы нежные, – насмешливо фыркнул Тот, за что немедленно чуть не огрѐб подзатыльник, но увернулся и нырнул в переулок, крикнув на бегу: – Давай, мы почти дошли!

Переулок оказался даже не переулком, а извилистым проходом между двумя заборами. Янка вспомнила Лениного пса и хмыкнула: уж эта-то громадина точно сюда не протиснется! Тот пробирался вперѐд боком, прижимая к груди свой чехол, но, кажется, даже не сбавил скорости. Янке в некоторых местах пришлось протискиваться, перелезая через ящики, поэтому, когда переулок закончился, убивать Тота за насмешку уже не хотелось.

А вот за выбор маршрута – ещё как.

– Ну, вот мы и на месте, – удовлетворѐнно заявил парень, упирая руки в боки.

Янка сменила гнев на милость и осмотрелась: с их стороны улица была как улица, серые дома в три-четыре этажа, нечитаемая за слоем ржавчины вывеска над разбитой витриной магазина... а там, за дорогой, за едва проступающими сквозь пыль ржавыми трамвайными рельсами, высилась стена густых зарослей. Сухие сучья переплетались густо, будто

в живой изгороди, то там, то тут над кустами воздевали свои руки-ветви такие же мёртвые сухие деревья.

Янка сначала замерла, а потом перешла дорогу и приблизилась к стене кустов вплотную. Изжелта-серая, заиндевевшая трава хрустела под ногами, рассыпаясь в соломенную труху. Шипы на узловатых сучьях смотрелись грозно... но эти кусты были столь же мертвы, как и всё вокруг. Как и весь Ноябрь. Мёртвое, безжизненное пространство.

– Эй, ты чего застряла? – окликнул Тот откуда-то справа. Янка оглянулась и обнаружила его сидящим на ступеньке трамвая – скособоченной железной коробки, намертво прижавшей к рельсам. Не хватало только какого-нибудь птичьего гнезда на трамвайных «рогах», но... птиц здесь не водилось.

– Задумалась, – неохотно объяснила Янка, перелезла через Тота и забралась внутрь. Нашла сиденье поцелее, уселась и не сдержала вздоха облегчения. После «прогулки» ноги гудели.

Тот немедленно залез следом и плюхнулся на соседнее кресло.

– А зачем мы сюда пришли? – вяло поинтересовалась Янка.

– *Выпустить архэ*, – объяснил Тот, пристраивая чехол рядом с собой. Искорку он продолжал сжимать в кулаке, иногда чуть разжимая пальцы и пуская лучик, похожий на солнечного зайчика.

– А нельзя это было сделать прямо там? Или опять какое-нибудь условие надо? Не просто рельсы, а трамвайные? Не просто трамвайные, а какие-то определённые? – Янка только надеялась, что не нужно будет вставать и ещё идти куда-нибудь вот прямо сейчас. Да и не очень понимала, что она тут делает.

«Как что? Прячешься от Лены с её псом и тем мужиком... – даже внутренний голос устал и не шипел, как обычно. – Хотя пса ты не видела, – и, поразмыслив, добавил: – Но слышала».

«Заткнись», – скомандовала Янка сама себе. Про Лену думать не хотелось.

– Там – нельзя. Нужна какая-то зацепка для... Ой, ладно, потом. – Тот вскочил на ноги так бодро, что даже капюшон свалился назад. – Давай лучше сначала покажу!

Янка без энтузиазма вздохнула: опять вставать, только устроилась...

– Что покажешь?

– Архэ. – Тот разжал кулак, и искорка вспыхнула у него на ладони.

Её свет уже не слепил, и Янка, подавшись вперёд, даже смогла её разглядеть.

Архэ было похоже на каплю янтаря, в которой заблудился солнечный луч – живой, дрожащий, пробегающий по поверхности камешка, и тогда каждая неровность вспыхивала своим, особым бликом. На архэ можно было смотреть бес-

конечно.

Янка узнала этот тёплый свет, сразу вспомнив слова Тота: «Рыбка – точно такое же архэ». Так вот что за огонёк живёт под ажурным металлом подвески...

– Пойдём, – повторил Тот. – Недалеко, просто на дорогу вылезем.

Янка, не отводя взгляда от чарующего огонька архэ, кивнула и заставила себя встать – откуда только силы взялись!

– Можно... подержать?

– Бери, – Тот пожал плечами и аккуратно переложил искорку Янке на ладонь.

Мир вспыхнул, и Янка провалилась *сквозь время, сквозь пространство, сквозь... свет?*

Через мгновение она уже снова стояла в заброшенном трамвае, хлопала глазами и пыталась понять, что же увидела и видела ли вообще хоть что-то.

Кажется – да. Но память отказывала.

Архэ грело ладонь. Рыбка толкалась в грудную клетку навстречу сердцу. Тот улыбался с таким предвкушением в синих глазах, что Янка, ни о чём больше не спрашивая, спрыгнула на землю и с лёгким сожалением вернула Тоту искорку.

Тот уселся прямо на дорогу, скрестив ноги. Подержал какое-то время архэ над пылью, словно грея ладони, потом глубоко вздохнул и медленно произнёс:

– *Я не знаю, кто он и как его зовут, но я могу помочь – значит, я должен. От искры загорается свеча, от памяти*

– сердце, от архэ – свет первотварный. Пусть помнит, кто он есть, кем он был и кем станет. Верни ему память.

И с каждым словом архэ вспыхивало всё ярче, пока не засияло нестерпимо, как в первый момент, когда Тот взял его в руки – там, под мостом. Когда Тот замолчал, казалось, в его ладонях лежит солнце.

Янка зажмурилась, и сердце, до краёв налившееся жаром, защекотало предчувствие чего-то... истинного, настоящего чуда, не как подарок от Деда Мороза, а того самого, от которого захватывает дух, и не хочется, чтобы время текло вперёд, и...

Янка открыла глаза буквально через мгновение, но вместо солнца в ладонях Тота уже снова лежал всего лишь кусочек светящегося янтаря.

«Так и надо, да? Всё получилось?» – хотела спросить Янка, но заглянула в лицо Тота и замерла.

В синеве глаз темнело отчаяние. Одной рукой кое-как натянув ежиный капюшон, пряча взгляд, Тот глухо сказал:

– Не вышло. – И добавил: – Я не знаю, почему.

Мгновение чужого прошлого. Димка

Все Димкины страхи про дурдом, психов и санитаров растаяли к концу второго дня.

Даже тот самый Игорёк оказался совершенно безобидным пацанёнком класса эдак третьего, просто погружённым в себя. Очень глубоко... и, наверное, ему там было хорошо, раз обратно в мир он вылезать не торопился, даже орудуя ложкой за обедом. Так что уже к вечеру Димка просто старался его не замечать, и это вполне получалось.

Остальных пациентов Димка так ни разу и не увидел, хотя и знал, что в соседней палате тоже кто-то живёт.

Можно было читать книжки, смотреть телек в холле, бродить по коридору или просто пялиться в окно. Нужно было – слушаться дежурную сестру, пить выдаваемые ей таблетки (Димка боялся, что отупеет от них, но нет, только стал больше спать) и беседовать с доктором.

А ещё был никем не афишируемый список «чего нельзя». Вплоть до того, что и во двор выйти погулять – фигушки.

«Санитарно-курортная идиллия строгого режима», как папка пошутил при первом визите, уже через пару дней идиллией казаться перестала.

...Папка примчался вечером первого же дня, сердитый,

хотя очень старался свою сердитость Димке не показывать – прямо как мама испуг в глазах. Папа сел рядом на койку и вздохнул:

– Знаешь, Димыч... Я ведь к этому твоему памятнику спецом скатался. Была у меня, признаться, мысль, что шлемофон тот ты в танке тиснул... Ну, типа, забыли его там, а ты горбатого мне придумал, фантазия у тебя хорошая, все знают. И ключ-лючник у тебя в загашнике точно есть. А то, что я его не нашёл, – это, скорее, мой недосмотр...

Тут Димка с деланным возмущением фыркнул – но промолчал, потому как лючник-то себе ещё года два назад раздобыл. Ведь он просто обязан у тебя быть, если твой папка из «боевых», а не «штабных» или, не дай Боже, «тыловых»!

– Но, Димыч... заварен этот танк так, что туда разве что таракан пролезет, а внутри «тридцатьчетвёрки» ты у меня ни разу не был, это я точно знаю. Шлемофон твой хоть и древний, как помёт мамонта... – тут Димка хихикнул, а отец ритуально изобразил подзатыльник, мол, нечего плохое запоминать, – но ухоженный и бортовой, и гарнитура в него от ТШ-второго вставлена аккуратнo так. Но вся беда, Димыч... – папка тяжело вздохнул и взлохматил Димке волосы, а Димка фыркнул и попытался уклониться, тоже ритуально, – ... что рассказывать это нашему доброму мозголому – бесполезно. Шпак он патентованный и ни слова не поймёт из подобной лекции. Так что читай книжки, прогуливай школу и коси под ветошь – раньше сядешь, раньше выйдешь...

И они грустно хмыкнули в унисон. Димка отчаянно хотел спросить в лоб: пап, а ты-то веришь? Ты держал в руках шлемофон, ты видел танк, ты слышал этот рассказ сколько раз подряд! Так можешь ли ты поверить, что всё рассказанное – было?

Внезапно оживший танк, задом съезжающий с постамента. Выстрел взявшегося из ниоткуда белого, как призрак, как туман вокруг, немецкого «тигра» – и город, мёртвый пустынный город, так не похожий на военный городок, в котором Димка провёл всю жизнь!

«Ты веришь, что я там ВПРАВДУ был? Что этот город где-то существует, и голос в шлемофоне мне не послышался? Что лоб я рассадил, свалившись в танковый люк, который в тот момент НЕ БЫЛ заварен, и что там был настоящий бой, и выстрелы, и... И что я сделал... то, что сделал?»

Димка очень хотел вскочить и спросить, напористо, яростно, не давая уклониться от ответа... но в эту самую секунду ему вдруг стало жаль папу – замученного, растерянного, сердитого на маму. И Димка остался сидеть, судорожно сжимая коробок с янтарной каплей в кармане.

...Или всё-таки вскочил? Мир дрогнул, словно по нему пробежала трещина, и на какое-то мгновение Димка поверил, что действительно вскочил, и открыл уже рот, чтобы сказать, но... *Но ведь он не сдвинулся с места!*

Он потряс головой, смял в кулаке коробок, и трещина, раскалывающая мир на две части, неохотно стянулась обрат-

но.

Димка, конечно же, сидел на кровати.

– Дим? – папа недоумённо нахмурился.

– Н-ничего, – помотал головой Димка. – Ты... маме привет передавай.

Папа грустно вздохнул, ещё раз взлохматил Димке волосы и, пообещав заскочить завтра, укатил в военный городок. Димка остался сидеть на кровати, осторожно расправляя смятый коробок и стараясь не думать, как начинается шиза. Может, как раз вот так?

...Но, беседуя на следующий день с доктором, Димка об этом рассказывать не стал. Доктор улыбался, много, хоть и не очень смешно, шутил и обещал быстро навести порядок в Димкиной лохматой голове. Он был совершенно убеждён, что сделает это буквально за пару «хороших, дружеских бесед», и Димка испугался, что, если расскажет – доктор его всё-таки запишет в психи и вместо разговоров примется лечить. Поэтому Димка старался вести себя разумно и настаивал, что ничего не выдумывает, никаких галлюцинаций у него нет.

А на третий день после обеда приехал майор.

Димка с ним уже однажды разговаривал – ещё до больницы, тот вместе с папкой заезжал к школе. Майор в тот раз Димку очень внимательно выслушал, задал несколько вопросов – точно ли танк был именно такой, какого цвета был немецкий «тигр», что за голос с Димкой говорил... И тогда,

глядя, как этот майор слушает его, Димкин, рассказ – без удивления! – Димка как-то поверил, что всё будет хорошо.

Но ведь «хорошо» – не вышло! Вышли мамины слёзы, поездка в больницу, разговор с доктором... и известие, что Димка остаётся здесь. И вот теперь Димка, честно говоря, на майора был здорово зол, но вида не показывал.

А ещё очень старался, сжимая в кулаке мятый коробок, не обращать внимания, что мир снова дал трещину, которая прошла строго по самому Димке. Поэтому он сидел ровно, дышал тихо и старался не шевелиться лишний раз. Чтобы не почувствовать снова, как *встаёт, оставаясь на месте*.

Это уже было! Димка вспомнил – тот самый голос в шлемофоне, дрожь мотора, пустой танк и... неподъёмный снаряд в руках. Тогда мир тоже вот так треснул пополам, и Димка сделал то, что не мог сделать физически. Во всё это не верили ни мама, ни доктор, а один только майор КГБ – но от его веры, честно говоря, было только хуже.

«А если это всё-таки... шиза?!»

Майор, ничего не замечая, задал пару глупо-благожелательных вопросов из серии «как жизнь молодая?» – на что Димка ответил так же глупо-оптимистично (дядька был из КГБ... и отвечать честно Димка постеснялся). После чего майор вручил ему пакет мандаринов, стойко ассоциировавшихся с Новым годом и оттого в мае совершенно абсурдных... и утопал общаться с доктором, который, к несчастью, был на месте. Именно «к несчастью», потому что говорили

они на повышенных тонах, и доктор после этого полдня куда-то названивал, отменил «беседу на сегодня», а потом...

А потом взялся за Димку всерьёз.

Случись первый «разговор по душам» до визита майора, Димка бы даже слушать доктора не стал. Но теперь...

А доктор безжалостно и быстро обрисовал ситуацию такой, какая она есть *на самом деле*: Димкин рассказ противоречив и абсурден, и никто его подтвердить не может («Майор? Какой майор? Забудь, тебя это не касается, ничего он не подтвердил!»); танк стоит на постаменте, как ни в чём не бывало; где Димка пропал четверо суток – неизвестно. И Димка, конечно же, может быть убеждён, что всё случилось с ним вправду, но всё-таки... если хотя бы теоретически допустить мысль... где же всё это время он мог быть? Заблудился в лесу? Прятался в городе?

Не зря, ой, не зря папка назвал тогда доктора «мозголомом».

И после каждой беседы Димка с полчаса сидел, пожираемый сомнениями: а вдруг прав доктор? И этот ужас раз за разом заставлял мир трескаться, и Димке всё сложнее было стянуть потом трещину обратно и сделать вид, что ничего не было.

Он мог бы, конечно, сунуть доктору под нос святящуюся янтарную капельку, но... она же ничего не доказывала никому, кроме самого Димки, который нутром чуял, что с неё-то, найденной по дороге, всё началось...

«Ты сопротивляешься лечению, – говорил доктор мягким сочувствующим голосом, – и этим только осложняешь себе жизнь. Тебе нужно всего лишь признать, хотя бы теоретически, что ты *мог всё это придумать*... и вспомнить, где же ты был на самом деле. И всё сразу пойдёт на лад. Такие вещи против воли вылечить никто не сможет, ты, Дмитрий, тут себе первый враг – и первый помощник!»

А Димка сидел тихой мышью напротив доктора и старался не смотреть на свои руки, которые то и дело норовили сжаться в кулаки... и одновременно с этим неподвижно лежали на коленях.

«Ты тут себе первый враг...»

Трещина бежит по миру, вонзаясь всё глубже.

«...и первый помощник».

Глава 4. Паутина улиц

– А точно не вышло? Как ты это понял? Может, ещё раз попробовать? – Янка всё тормозила Тота, пытаясь получить от него внятный ответ.

Они снова сидели в трамвае. Искра архэ лежала в ладони Тота, совсем не похожая на то солнце, которым была, когда Тот произносил странные слова – заклинание ли, молитву, просьбу? Янка вертелась, забыв про усталость, расспрашивала, но Тот отмалчивался, спрятавшись глубоко под капюшоном.

Наконец Янка сердито выдохнула и полезла в сумку – засть непонятные неприятности прихваченным из дома сникерсом. Посмотрела на Тота ещё раз, поджала губы и сунула второй батончик ему в руки:

– Бери, пока я добрая.

Тот оживился, зубами надорвал обёртку и тут же откусил. Не успев ещё толком прожевать, неразборчиво ответил сразу на всё:

– Ешли ш первого ража не вышло, не получится. Я жнаю.

– Аш-ш... А что ты пытался сделать-то?

Тот откусил ещё, прожевал и вдруг спросил:

– Помнишь того мужика, которого я вместе с тобой выводил?

Янка неопределённо кивнула: факт наличия она помнила,

и ещё чёрный шарф, а вот в лицо...

– В общем, он... Он принадлежит Ноябрью.

– Это как?

– Ну... он никому не нужен. Его ничего не держит в мире, и он соскальзывает в Ноябрь, понимаешь? – Тот сделал паузу на ещё один укус. – Его выбрасывает сюда – само Мироздание, равнодушие людей вокруг, он сам... Не знаю. За ненужностью.

– Так, подожди... А при чём здесь равнодушие и «за ненужностью»?

Тот вздохнул – он был явно не в настроении читать лекцию.

– При том, что это Ноябрь. Всё, что не нужно, забыто, выброшено из жизни – то, что когда-то было важным, значимым... живым – всё это попадает сюда. – Он помолчал, но по выразительному взгляду Янки понял, что объяснение надо всё-таки расширить: – Ну, вещи, дома... Особенно дома. В зданиях есть особая сила, понимаешь? Отблеск силы тех, кто в них живёт. Которая делает здание тем самым настоящим домом... И обрекает проваливаться сюда, в Ноябрь. Ноябрь – это чулан, чердак и свалка мира.

– Для всемирной свалки здесь как-то... пустынно, – Янка с сомнением огляделась. – Если б все помойки сюда валились... да одних телефонов тут было бы по колено ровным слоем!

– Да нет же! – рассердился Тот. – Причём здесь помойки!

Здесь память, понимаешь? Ну, вот, помнишь... не знаю, там, любимую куклу детства?

В голове всплыло что-то розовое, в рюшечках и с колокольчиком внутри.

– Не помню.

– Но ведь была у тебя, да?

– Была. Розовая какая-то... в шляпке. Жуть. А, точно, её Юшей звали! В смысле, Рюшей, но буква «р» мне тогда не давалась. Ну, верх оригинальности вообще, – Янка покачала головой, не веря собственной памяти. Рюша в волнах розовых рюшечек! Это же надо – любимая кукла!

– А ты помнишь... свою любовь к ней? – осторожно спросил Тот.

– Бр-р, нет, конечно. Я была мелкая, безмозглая, и куклы у меня были соответствующие.

А память безжалостно подсказывала: Рюшу подарил папа... Янка отвернулась и сердито прикусила костяшку пальца, стараясь привести себя в чувство.

– Она где-то здесь, – Тот широко махнул рукой. Даже отвернувшись, Янка поймала это движение краем глаза. – Нет, та самая кукла, может, пылится в коробке на антресолях. Но *твоя* Рюша – здесь. Вместе с твоей любовью к ней. Когда ты выросла, ты её забыла. И Рюшу, и любовь. Выбросила из жизни – сюда.

А Янка вспомнила того пингвинёнка из киндер-сюрприза. Значит, кто-то его тоже... выбросил? Любил... а потом

выбросил. Вот его было жалко, куда жальче, чем дурацкую Рюшу.

– Так! – Янка сердито подняла руку. – Хватит! Бог с ней, с этой глупой куклой, если ты сейчас заявишь, что надо бегать и искать её здесь...

– Не, не скажу. Это я так, для примера.

– А ты можешь наконец объяснить, причём здесь архэ?!

– *Свет первотварный. Сила творения*, – непонятно ответил Тот, глядя на искру в своей ладони. И продолжил уже нормальным голосом: – В людях этот свет горит... но в таких, как тот мужик – гаснет. Архэ – *изначальное* – своей искрой зажжёт его заново. Вернёт из Ноября память, кем человек был и кто он есть... То есть уже не вернёт. Ничего не вышло. Этот мужик будет проваливаться сюда раз за разом, и однажды просто... Ладно, не грузи себя чужими проблемами, для этого я есть.

«*Какой полезный с-с-совет*», – оценил внутренний голос, хотя то, что Тот не договаривает, царапало и тревожило.

Выбросить из головы, не думать, какая разница, чужой человек...

«Даже Тот сказал не грузиться», – успокоила себя Янка и вымученно улыбнулась.

– Ну и что ты будешь делать?

Тот пожал плечами:

– Находить. Выводить.

– Да нет же, я про архэ!

Тот осторожно сжал кулак, вздохнул и затолкал в рот остаток сникерса. Прожевал, проглотил и вскочил на ноги:

– Подарю Ноябрью.

– В каком смысле?

Из-под ежиной мордочки по губам неожиданно разлилась довольная ухмылка:

– В самом прямом. Возьму и отдам сейчас архэ Ноябрью. Ему ведь и самому очень не хватает этого света. Пусть мёртвая земля хоть на капельку станет... живее.

Тот спрыгнул на землю мимо ступенек и опять уселся потурецки.

Осторожно перевесившись через раму разбитого окна, Янка решила, что присоединяться на сей раз не будет, посмотрит так.

Тот сосредоточенно чертил перед собой пальцем в пыли. Сначала круг. В нём сверху вниз дугу, следом из той же точки – зеркальную, поперёк ещё одну, отсекая верхнюю треть, по бокам – две закорючки. Рисунок показался Янке смутно знакомым, а ещё напомнил схематичное изображение... рыбки.

Пока Янка думала, Тот уже сноровисто писал по наружной стороне круга следующую порцию закорючек. Янка пригляделась, но не сумела разобрать ни слова. Буквы были странные, не очень похожи на русские. Хотя вон те характерные хвостики напоминали что-то из алгебры... греческий язык? А две закорючки по бокам «рыбки» – это же альфа и омега,

точно!

На этом Янкины познания в греческом иссякли.

Наконец Тот закончил и занёс вторую руку над рисунком. Соединил ладони лодочкой, раскрыл кулак...

Теперь он ничего не говорил, но архэ вспыхнуло – и растеклось жидким светом, наполнив ладони до краёв, словно чашу – прекрасную, золотую, сияющую. От тишины и сияния, казалось, начал дрожать воздух – и вибрировала рыбка на груди. На землю упала первая капля света, вторая, Тот раздвинул ладони – и на рисунок в пыли потоком пролилось слепящее глаза солнечное золото.

Рисунок рыбки вспыхнул – *перечёркнутая петля в круге*. Сердце защемило – наяву или отзвуком воспоминания?

Мгновенье – и вот уже исчез и свет, и рисунок, и архэ... Только позолота медленно сходит с кожи Тота, словно краска.

И вокруг что-то – кто-то?! – ощутимо вздохнуло, холодок чужого дыхания пробежал по ногам и шее, гоня по коже табуны мурашек, взъерошил волосы и растворился в ноябрьском воздухе.

Тот закинул голову, роняя капюшон, посмотрел Янке в глаза и счастливо улыбнулся:

– Завтра придёт северный ветер. И всё будет хорошо.

А вот потом вдруг нахмурился и вскочил на ноги. Огляделся, вслушиваясь, повёл плечами, натянул капюшон обратно. Янке даже показалось, что ежиный нос старательно

принюхивается.

– Э... Тот? – окликнула Янка, опускаясь на ближайшее кресло. – Всё в порядке?

Её пробрала дрожь – от холода или внезапно охватившей тревоги, она сама не знала.

– Пока – да.

У Тота был настоящий антиталант к успокаиванию девушек.

И к объяснениям.

– А дальше? Что происходит?

«Может, ты всё-таки вернёшь меня домой?!»

Тот не ответил, замерев на пороге трамвая.

– Эй, Тот... когда я смогу вернуться? – Янка всё-таки не выдержала, хотя унижаться до прямого вопроса-просьбы было невыносимо.

– Ну... – Тот задумался, и Янке это категорически не понравилось.

– Сейчас.

– Что «сейчас»?

– Я хочу вернуться сейчас, – отчеканила она.

– Ты чего-то боишься?

– Нет, – соврала Янка прежде всего самой себе. – Мне пора домой.

Тот запустил руку под капюшон и почесал затылок. Почему-то такая простая и хорошая идея, как вывести Янку прямо сейчас, его не радовала:

– Слушай, а может, просто прогуляемся кое-куда, пересидим и потом я тебя отведу, а?

– Нет уж! Давай сейчас.

– Понимаешь...

– Не понимаю и понимать не хочу!

– ... вот прям отсюда из Ноября не уйти. Архэ влияет точно.

– Что?

Тот развёл руками: мол, он не специально и вообще не может ничего поделывать.

– Пойдём, – попросил он. – Ненадолго задержишься, правда.

Янка сердито схватила сумку и вылезла из трамвая. Пока она не озвучила просьбу, её не так уж и сильно тянуло вернуться, но теперь каждая минута промедления была невыносимой.

Тот сходил за своим чехлом, обошёл трамвай и почему-то внимательно оглядел стену противоположного дома. Янка тоже на всякий случай глянула – и успела заметить странную тень, не зависящую ни от одного реального предмета. Но рассмотреть не получилось – тень мелькнула по стене и скрылась на тёмной стороне дома, а Тот тут же дёрнул Янку за рукав:

– Так, времени больше нет, давай быстрее!

Янка ещё успела подумать, что «быстрее» – это просто не стоять на месте, а Тот схватил её за руку и рванул вперёд.

«Быстрей» оказалось – «во весь дух».

...Когда на пути вырос поваленный мусорный бак, Тот одним прыжком взлетел на него, гулко стукнув ногами по железу, и, не сбавляя скорости, спрыгнул с той стороны. Болезненный рывок чуть не выдернул Янке руку из плеча.

Под горку бежать было несложно, но Тот взял такой темп, что Янка еле успевала переставлять ноги. Окна, деревья, проулки, какие-то ящики, бочки и прочий хлам мелькали мимо, словно в ускоренной перемотке, и воздуха никак не хватало, чтобы спросить: «Зачем?! Почему бежим? Нас кто-то преследует? Что происходит?!»

Сзади громыхнуло, отдавшись дрожью в ноги. Количество вопросов разом сократилось до: «Мамочки, что это было?!»

Тот обернулся на бегу, выворачивая шею под каким-то ужасным углом, и тут же сменил направление, дёргая Янку влево, прямо в стену дома. С железным грохотом за спиной пронёсся тот самый мусорный бак – катился, подпрыгивал, рыскал из стороны в сторону, словно... искал?! Янка стояла, вжавшись в Тота, и чувствовала, как колотится сердце и вздрагивает над ним рыбка.

По дороге прокатилось что-то ещё, грохоча на ухабах. Янка вжалась сильнее.

Тот осторожно выпустил её запястье и положил руку на спину, шепча:

– Чш-ш... Не бойся. Пожалуйста, не бойся. С тобой ничего не случится, обещаю.

Он мягко провёл рукой по спине Янки, от лопаток к пояснице, до узкой полосы кожи между брюками и задранным краем водолазки, как гладят настороженных кошек, и уткнулся плюшевым ежиным носом – вот как он умудрился не потерять капюшон?! – куда-то Янке в шею.

Дыхание у него было тёплым, а ладонь на пояснице тяжёлой... слишком тяжёлой и горячей, чтобы игнорировать прикосновение, и Янка собрала все силы – и отпрянула, делая вид, что последних секунд просто не было. Не-бы-ло.

– Закончилось? – спросила она, вслушиваясь в наступившую тишину.

У ног Тота по стене дома снова промелькнула неясная тень, Тот вздрогнул и качнул головой:

– Всего лишь пауза. Уходим быстрее.

– А...

«А что это было?» – хотела спросить Янка, но не успела закончить вопрос: Тот снова ухватил её за руку и нырнул в проулок между домами. Мелькнули вокруг стены, оцарапал ногу, чуть не повалив на землю, моток ржавой проволоки, сердце гулко отстучало дробь – и они оказались на соседней улочке, извилистой, тёмной и мощёной брусчаткой вместо привычного асфальта. На противоположной стороне, вдоль неровной стены островерхих строений, глубоко между булыжниками бежали полосы очередных трамвайных рельсов.

Янка вздрогнула, узнавая ту самую улицу, на которой стояла и ждала Тота... тогда, в первый раз.

– Эй, не спи!

...Город был скроен из лоскутков, кусочков, прошит рельсами и брошен, как придётся, – где-то целая улица, более-менее однородная и прямая, где-то двухэтажные бараки соседствуют с многоэтажками, асфальт с глиняной колеёй, и линия улицы пляшет от дома к дому. Монстр Франкенштейна, город-с-миру-по-нитке, кошмарный сон архитектора.

Тот понёсся прямо между рельсами, таща за собой Янку, и на ближайшем перекрёстке резко свернул влево. За их спинами что-то дробно простучало по камням, но Тот даже не обернулся.

Мостовая под ногами снова сменилась асфальтом, в глаза ударил свет – они вывернули на улицу, ведущую строго на запад... или юг? Какое сейчас время суток?.. Там, впереди, дома заканчивались, открывая висящее над горизонтом солнце. Длинные тени неподвижно лежали на стенах.

Тот притормозил, а потом и вовсе перешёл на шаг, выпуская Янкину руку. Янка поправила ремень сумки и растёрла запястье, на котором красными пятнами чётко отметились чужие пальцы. Мрачно подумав, что обязательно будут синяки, натянула рукава толстовки по самые костяшки.

– Что это было? – задала Янка вопрос, который уже почти натёр мозоль на кончике языка.

– В смысле?

– В прямом! Вот всё вот это вот!

– Вот это? Так, мелочь... Ну, не считая первого раза, –

отмахнулся Тот. – Даже странно, обычно так просто не от-
вязываются.

– Кто? Что это? Ну, Тот, объясни тол... – Янка не дого-
ворила.

Тот замер, как вкопанный.

На пустой дороге перед ними лежала тень. Чёткая, словно
из чёрной бумаги вырезанная и аккуратно расправленная на
асфальте. Вытянутая. Длиннолапая. Поджарая.

Собачья.

– Н-назад, – попятился Тот, потом развернулся, скользнул
пальцами по рукаву Янкиной ветровки, тень скакнула к ним
по асфальту...

Сначала громыхнуло. А потом дорога выгнулась, ударив
в колени, и в ватной тишине угол дома впереди вдруг исчез
в клубе пыли и дыма, разлетелся на осколки.

Мир звенел тоненько, как комар. Плавая в этом звоне, Ян-
ка всё пыталась встать, пока рука Тота не вздёрнула её на но-
ги. Из дыры в углу дома вырывалось жадное пламя. Тот что-
то кричал, губы шевелились, но комариный звон и собствен-
ное шумное дыхание заглушали все прочие звуки. Янка вы-
рвалась и поковыляла прочь, всё быстрее, быстрее, словно
пытаясь вытряхнуть звон из головы, подспудно догадываясь,
что он не вокруг, а внутри.

За спиной постепенно оседал на землю горящий дом. Ян-
ка старалась не спотыкаться, только всхлипывала и слизы-
вала с губ солёное. Сумка стучала по бедру. В носу что-то

мерзко хлюпало. Шагов через десять Янка догадалась провести под носом ладонью и озадаченно уставилась на красные разводы на пальцах, осознав, наконец, что же такое солёное было на губах.

Звон рассеялся ещё через десяток шагов, хотя звуки всё равно казались неправильными, словно во сне или под водой. Янка заставила себя обернуться, но не увидела ни пожара, ни Тота. Только где-то вдалеке над домами поднимались клубы чёрного дыма, да еле слышно грохнуло, толкнув в пятки. Ухватившись за стену, Янка помотала головой и, заметив открытую дверь подъезда, нырнула внутрь. В подъезде было темно, пыльно и тихо. Ноги укутывала белёсая дымка – не то пыль, не то туман. Янка подсветила себе фонариком телефона, бросила сумку на пол и уселась на ступени, пытается понять, что делать дальше.

Без Тота не выбраться. Но рядом с Тотом всё взрывалось или бросалось на них – и Янка чувствовала, что это связано с тем архэ, которое Тот *подарил Ноябрью*.

«Что это за подарочек, за который пытаются убить?!»

Луч фонарика, почти осязаемый в густеющей дымке, скользил по стене, ржавой шеренге почтовых ящичков, одним концом упавшей на пол, и завалившим пыльные ступеньки бумажкам. Янка протянула руку и перевернула ближайший листок.

Мир дрогнул.

«♥ For Viccc ♥»

♥ From ;) ♥»

И два танка в кривоватом сердечке.

Янка рисовала это давным-давно, ещё летом – и в одну из встреч «в реале» подкинула Вику в рюкзак. Вот и след от карандашного наброска, и складка на уголке... Та самая открытка. Лежит в пыльном подъезде в мёртвом городе посреди Ноября.

*Посреди мира забытых, ненужных, выброшенных вещей.
В самом настоящем нигде.*

Внутренний голос шипел без слов – злость, обида, отчаяние, словно тот проклятый телефонный разговор произошёл только что, и Вик сейчас, прямо сейчас снова признался, что она ему не нужна, и...

Янка скрючилась, пряча лицо в ладонях, а потом вскочила на ноги, словно распрямившаяся пружина, пнула затрясшиеся от удара перила, схватила сумку и буквально вылетела на улицу. За её спиной обрушились на пол почтовые ящики. Янка нырнула в кривой проулок, из него в следующий, и в следующий, как в лабиринте утопая в мёртвом городе Ноября, всё глубже и глубже, по щиколотку, до середины икры, по колено в белёсом тумане, но остановиться не могла. Остановиться – это остаться наедине с болью, к которой, как ей казалось, она уже почти притерпелась, но... только казалось.

Последний переулок завёл в тупик, обернувшись глухим узким двором. На створке распахнутого окна третьего этажа раскачивался ржавый утюг, обмотавшийся проводом вокруг

ручки. Гипнотически медленно, вправо-влево, как маятник невиданных часов.

Несколько секунд Янка стояла, заморожённая размеренностью движения, и только провожала утюг взглядом, раз-два, раз-два, туда-сюда.

А потом провод лопнул, и утюг обрушился вниз. Отпрыгни Янка хоть мгновеньем позже – вряд ли бы её спас даже капюшон, а так утюг только стеганул хвостом провода по щеке и разлетелся на детали от удара об землю.

Янка метнулась прочь в диком, животном ужасе. В голове было гулко и пусто.

Возможность соображать вернулась только через несколько минут бестолкового бега, и вдруг всё встало на свои места: Тота никто не преследовал, вернее... Тота преследовал *сам мёртвый город*, вещи, хранящиеся в нём.

И Янку заодно.

В памяти само собой всплыло: «Пусть мёртвая земля хоть на капельку станет... живее».

Вот, значит, как Ноябрь становится живее от *подаренного архэ*?! Взрывами? Сходящими с ума мусорными баками и утюгами?

Во что Тот втянул Янку? Попытки оживить мёртвое... Что за зомби-апокалипсис?!

А переулки всё петляли, свиваясь в бесконечность, и оказавшись снова в том же самом дворе, у обломков утюга-камикадзе, Янка содрогнулась, с ослепительной ясностью

вспоминая другие слова невыносимо скупого на объяснения Тота: *«Можно ли пройти бесконечность насквозь?»*

Она отошла от рельсов, вот в чём дело. Их не было вокруг, ни на одной из тех улиц, улочек и переулков, которые Янка пробегала. И теперь ей предстоит блуждать по ним... вечно?!

...Ящик, через который Янка перелезала, коварно провалился, хватая за щиколотку, Янка рухнула на землю с коротким воплем, кое-как высвободила ногу, встала, всхлипнула, подобрала сумку и рывками расстегнула ветровку – от бега по телу разлился душный пульсирующий жар.

Рыбка мотанулась на цепочке туда-сюда. Янка перехватила её рукой, сжала до боли в пальцах и похромала дальше. Без направления. Без смысла.

Переулок сужался, сужался и, в конце концов, превратился в неровную щель между домами, сквозь которую Янка протиснулась только боком, ободрав с сумки полколлекции значков.

А с той стороны оказалось светлая улица, сухие заросли... и ржавый трамвай со смятой «мордой». Никакого тумана, никаких утюгов. Янка огляделась, шмыгнула в трамвай и забила на заднее сиденье. Вернулась...

«Но разве раньше трамвай не был... целым?»

Солнце наполовину скрылось за кустами, и на дорогу лёг теневой узор сухих ветвей, чуть не достающий до стены домов. Ветра не было, ветки не колыхались, и узор казался на-

рисованным раз и навсегда, прямо в пыли.

...Новая тень появилась с той стороны, куда в прошлый раз убежали Янка с Тотом. Она выростала из кромки узора, словно та, что её отбрасывала, вышагивала по верхушкам кустов. Изящная, поджарая собачья тень. Она поравнялась с трамваем, остановилась и вскинула голову, заливаясь беззвучным лаем.

Янка бросила взгляд в другую сторону, прикидывая, успеет ли сбежать и больно ли кусают клыки несуществующей собаки... но увидела вторую тень, лёгкими прыжками мчащуюся по стенам домов. Вот она остановилась подле первой, они довольно обнюхались...

«Сейчас бросятся, – поняла Янка, когда тени дружно повернули к ней свои морды. – Мамочки... А они в клочья издерут меня – или мою тень? А что хуже?!»

Она с ногами забралась в кресло, решив сначала бросить в тени сумку, а потом прыгать в окно и продираться через кусты... но собачьи тени не успели напасть. Раздался бодрый топот, и к трамваю с пригорка сбежал Тот. Раскрасневшийся, чумазый, ежиный капюшон откинут, рукава засучены, а в руках что-то вытянутое и чёрное – не чехол, нет... То, что в нём лежало?

Собачьи тени разом обратили морды в сторону Тота, напружинились и беззвучно зарычали. Янка хотела крикнуть, предупредить, но Тот уже и сам заметил, затормозил, развернулся на пятках и... уставился в ту же сторону. Такой же

напряжённый и даже почти скалящийся.

По ногам молоком разлилась белёсая дымка, накатываясь на трамвай и чуть-чуть не доходя до пяточка дороги у задней двери.

Послышался рокот мотора – словно голос механического чудовища. Тот пружинисто отшагнул назад, ещё раз, ещё, пока не остановился перед собачьими тенями. Рокот перешёл в оглушительный рёв, и Янка заткнула уши. В клубах пыли, белого тумана и чёрного дыма из перекрёстной улицы высунулось... Янка не успела ничего разглядеть. Пыль, туман, дым, смутный силуэт, а потом Тот вскинул к плечу предмет, который держал в руках, – и выстрелил.

Хлопок если и был, то потонул в рёве мотора, а потом там, впереди, мир взорвался вспышкой света, обжигая Янке сердце, – и всё стихло.

Оседают пыль. Торчит из-за домов серая морда огромной машины, в которой Янка, совершенно не разбирающаяся в технике вне «танчиков», сумела опознать только то, что когда-то это был броневедомитель.

Невозмутимый Тот упёр приклад в бедро, с треском откинул какой-то рычаг, защёлкнул обратно и клацнул затвором, заряжая в ствол что-то маленькое и светящееся. И только потом, вскинув пневматическую винтовку на плечо, обернулся к Янке:

– Успел! Я же говорил!

Если бы он хоть что-нибудь пояснил. Если бы сказал, что

всё будет хорошо. Если бы хоть извинился за то, что втянул Янку в какую-то чертовщину. Если бы...

Тот ухмылялся, словно ничего не случилось, и пальцем поглаживал курок – или спуск, или как оно правильно называется, – своей винтовки.

Он ничегошеньки не понимал.

Янке стало плохо, так плохо, как будто страх, скопившийся в ней, ядом потёк по венам. В желудке заворочался кусок льда, в груди тянул отзвук боли, и захотелось сорвать рыбку с шеи – и будь что будет, сдохнет – так и хорошо!

– Эй, вылезай, – позвал Тот, заглядывая в окно трамвая. – Всё закончилось.

– Нет!

Тот озадаченно задрал брови, потом обернулся и свистнул. Собачьи тени на стене дома встрепенулись и сбежали на дорогу, проглядывая сквозь узор кустов – более плотные, более тёмные.

– Ты их боишься, что ли?

Тот протянул руки и погладил воздух – а его тень потрепала собачьи по загривкам, почесала за ушами, хлопнула по холкам. Теневые собаки завиляли острыми хвостами и уселись. Одна, кажется, даже высунула язык от удовольствия.

– Это Доля и Недоля. Мои собаки. Или собаки моей тени? Не знаю, короче, но мы с ними друзья... А это Янка. У неё моя рыбка, и вообще она здоровская.

Тот молол какую-то чушь, а Янка с обидой понимала, что

её обвели вокруг пальца. Собаки-тени не были чудовищами. Ручные собачки Тота, надо же... Как он про себя со смеху ещё не лопнул, глядя на перепуганную Янку! А всё туда же, улыбается как ни в чём не бывало.

Будто не было ни взрыва, ни мёртвого города, пытающегося их обоих убить, ни...

Так ничего в упор и не понимающий Тот заглянул в окно:
– Ну что, пойдём, а?

Наверное, для него всё это было в порядке вещей – безумие предметов, взрывы, кровь, выстрелы... Так, «подарочек» для мёртвой земли Ноября.

Наверное, ему казалось, что это нормально – затащить во всё это Янку, ничего не объясняя и ни о чём не предупреждая.

Наверное, Янка с его точки зрения психовала совершенно без повода, ведь все живы, здоровы, а синяки и царапины не в счёт...

– Не подходи! – Янка выскочила из трамвая. Злые слёзы кипели в уголках глаз и щипали свежие царапины. В голове царил сердитый змеиный свист, и хотелось то ли уничтожить весь мир вместе с собой, то ли сбежать.

Янка выбрала второе и с треском, заглушившим окрики Тота, вломилась в кусты. Продралась сквозь заросли, оставив пару значков с сумки, резинку и, кажется, целую прядь волос на ветках, исцарапала руки, вывалилась с той стороны... и с изумлением уставилась на знакомую стену домов,

трамвай и столь же удивлённого Тота. Ноябрь опять вывернул пространство в какую-то невообразимую сторону.

– Эй... ты чего? – опасливо окликнул Тот.

– Не походи ко мне, – отчеканила Янка, глотая слёзы и утирая кровь со щеки. – Не подходи!

– А... как я тебя выведу тогда?

Янка молчала несколько секунд, пытаясь выгнать из горла склизкий комок, потом шумно выдохнула:

– Ладно. Выводи. И... больше не подходи ко мне. Вообще никогда, понял? Больше ты меня в свои игры не втянешь! Оставь меня в покое!

– Понял, понял, – попятился Тот, как-то жалобно вскидывая брови. – Не подойду. Не втяну. Оставлю. Обещаю. А сейчас... пойдём. Я тебя выведу в тот твой парк, ладно?

Янка молча кивнула и позволила Тоту взять её за руку и повести куда-то вниз по улице. Пальцы у Тота были огненные и мелко подрагивали.

Или это у Янки – дрожащие и ледяные?

Плевать. Теперь уже навсегда плевать.

Обычный мир встретил её проливным дождём. Часы на телефоне показывали, что с момента, когда Янка выбежала за дверь квартиры, прошло пятьдесят три минуты. Кажется, этот ливень обрушился на Москву сразу после того, как Янка уехала...

Янка закинула голову и долго растирала лицо, пытаясь смыть кровь, пыль, гарь и Бог знает что ещё. Потом поглуб-

же натянула капюшон и пошлёпала по лужам домой.

Дома мама охнула, увидев дочь, но Янка молча прошла в ванную и захлопнула за собой дверь.

– Яныч... что с тобой? – донёсся из-за двери глухой и испуганный мамин голос.

Янка снова достала телефон, посмотрела на исправно тикающие часы, на дату, и буркнула:

– Счастливого Хэллоуина, чё.

Вместе с телефоном из кармана выскользнул смятый листок. Надпись, сердечко, два танка. Выброшенное признание в ненужной любви.

Да уж, чужой «праздник» даже близко не стоял рядом с тем, что пережила Янка.

И от чего отказалась.

Мгновение чужого прошлого. Димка

К концу мая сидение в палате стало невыносимым. И больше всего Димкино существование отравляло непонимание, что происходит.

Иногда Димке очень хотелось взять и рассказать обо всём доктору. О том, как трескается мир, а ты сам расслаиваешься, словно собственное противоречивое намерение взрезает тебя ножом, и *тот, второй*, – тоже ты! – пытается тебя опередить. О том, что иногда ты сам не понимаешь, кто перелистнул страницу, ты или... тоже ты. Что у папки не было причин тебе врать про заваренные люки танка, и...

Но мысль, что после такого рассказа Димку «закроют» уже всерьёз и надолго, пока что пугала больше.

Самым гнусным было то, что Димка понимал: несмотря на все его попытки вести себя «нормально», окружающие видят, что происходит что-то не то. Лидия Михайловна, дежурные медсёстры... Ну а доктор и подавно не слепой и уже даже не делает вид, что верит Димкиным неубедительным «всё в порядке».

А уж папа с мамой...

Всё это напоминало огромный, медленно, но неудержимо набухающий гнойник... и однажды он должен был лопнуть.

– ...Дмитрий, я всё-таки смог нормально поговорить о случившемся с твоим отцом, – мягкий голос доктора вернул Димку в реальность.

В реальности Димка сидел, уперев локти в край стола, а напротив него доктор просматривал какие-то бумаги в папке.

– Несмотря на его уверенность, что я, из-за своей совершенно гражданской сущности, ничего не пойму, я в целом уловил, что он пытался до меня донести. И про этот шлемофон, и про то, что ты никогда не был внутри танка Т-34, но описываешь всё точно и правдоподобно. И что у тебя нету дома книг, в которых ты мог эти сведения почерпнуть... Ну, кроме, – тут доктор как всегда мягко улыбнулся и открыл блокнот, – видишь, я даже записал специально, чтобы не перепутать ничего... А, вот. Кроме «Наставления для наводчика-оператора танка Т-80БВ».

Димка почувствовал, что краснеет – так, по привычке. «Наставление» он незатейливо спёр из учебного класса танкового батальона ещё зимой.

– Кстати, по этому поводу твой отец просил передать, что, э-э... выносить с территории части документы с грифом ДСП... неразумно.

Димка вспомнил гриф в углу бледно-голубой книжки – и с тоской понял, что ему уже как-то плевать на серьёзность такого «залёта». Вот совсем плевать.

Сейчас Димка был готов выдать все свои сокровища – и

тот самый ключ-лючник, и полпачки автоматных патронов, и ленту для ПКТ... Да всё! Просто чтобы огребать сейчас дома от папки вполне заслуженный «педагогический момент». Это – быстро и честно.

Пусть только ничего не будет. Ни доктора, ни больнички, ни проклятого танка. Вообще ничего. Чтобы это был сон, на дворе утро восьмого мая, и никаких тебе походов со Светкой к памятнику...

– В целом, – говорил тем временем доктор, – проблема открылась для меня с достаточно неожиданной стороны. У меня нет оснований не верить твоему отцу, учитывая, что он специалист именно в этих вопросах и, кроме того, искренне заинтересован в том, чтобы тебя... чтобы ты выздоровел. Так вот, Дмитрий. Вы с папой достаточно верно оценили мою компетентность в таких вопросах, – доктор снова улыбнулся, – и я решил обратиться к, так сказать... независимым, но тоже компетентным специалистам, которые не только знают то, что твой отец называет «матчастью», но и многое, если не всё, об этом конкретном танке-памятнике. И я тебя как уже достаточно взрослого человека хочу попросить... – доктор снял очки и стал аккуратно протирать их тряпочкой, – ты можешь мне пообещать не делать глупостей?

Солнце колко бликовало на стёклышках очков, заставляя жмуриться. Димка, который уже окончательно потерял нить повествования, осторожно кивнул.

– Конкретизирую вопрос. – Доктор водрузил очки на ме-

сто. – Я могу отпустить тебя сейчас с этим специалистом на экскурсию к памятнику? И быть уверенным, что ты банально не сбежишь домой, а вернёшься сюда? Закончить нашу беседу, так сказать.

Вопрос был на миллион...

– Если все пройдёт нормально, я тебе обещаю, – последнее слово доктор выделил интонацией, – что на выходные я отпущу тебя домой. И не только на эти, а вообще до конца лечения будешь на выходные уезжать.

«Ну вот, приехали... уже «лечение», а не беседы... Ты псих, Димка, пси-их!» – ехидно-проницательный внутренний голос влез в самый ненужный момент. И был, зараза, убийственно прав.

«Заткнись! Психов домой на выходные – не отпускают!»

«Ага, ага... тихих и безопасных – отпускают. А ты – безопасный, ибо танк остался ТАМ... И вообще, ты сейчас сам с собой ругаешься. Разве это не признак шизы?»

Но на лицу очень хотелось. Хоть сейчас. Хоть ненадолго. А уж возможность вернуться домой...

– Так, Дмитрий, ты можешь мне пообещать?

– Да, Руслан Фаридыч...

– Отлично! – Доктор опять жизнерадостно заулыбался. – И да, Дим, пожалуйста... не выбрасывай лекарства в унитаз, ладно? Я ничего такого, – он изобразил рукой в воздухе что-то абстрактное, – тебе не выписывал. Безобидная комбинация таблеток для спокойного сна. Даже не снотворное в пря-

мом смысле. Нет, я понимаю, что книжки у тебя интересные, хотя, подозреваю, что без грифа ДСП... – доктор подмигнул, Димка неловко хихикнул, – но пойми, когда ты с утра у меня засыпаешь прямо за столом, просто потому что полночи читал, – это неэффективный расход твоего и моего времени. Ты дольше тут лежишь, а я трачу время на то, чтобы достучаться до твоего сонного мозга.

– Не буду, Руслан Фаридыч... Честно, не буду.

– Ну вот и хорошо. Иди к Лидии Михайловне переодеться – и вперёд.

Лидия Михайловна уже Димку ждала – доктор, видимо, не сомневался в исходе беседы. Выдала одежду, демонстративно отвернулась, выждала положенное время, в течение которого Димка реактивно перепрыгнул в шорты, рубашку и кеды, и повернулась обратно, когда он уже старательно повязывал пионерский галстук...

– Ну и правильно, – прокомментировала это действие сестра-хозяйка. – Зачем-то же ты его оставлял? Так, Дим, на обед наши булочек напекли. Если надолго загуляете, я тебе приберегу. Пары хватит?

– Ага. – Булочки тут были вкусные, а настроение перед выходом на волю стремительно улучшалось. – Лидия Михайловна...

– Чего, Дим?

– Это вы ему про таблетки сказали?...

Тут тётка улыбнулась фирменной улыбкой полутонного

веса:

– Нет, Дим... Я глупых и самонадеянных мальчишек по мелочам не закладываю. Просто этим мальчишкам, которые думают, что они самые умные, надо таблетки, перед тем как в унитазе топить, из бумажки доставать. А то в упаковке они всплывают иногда.

– Понял, – сконфуженно пробормотал Димка, уставившись на носки кедров.

– Всё, молодой-красивый, вали давай. Пакет я тебе на кровати оставлю. Вернёшься – переоденешься. Я вечером заступаю – заберу.

– Есть, товарищ Лидия Михайловна! – Димка прихлопнул макушку ладонью и шутливо козырнул.

Мятый коробок с камешком лежал, как когда-то, в кармане шортов.

...Лейтенанта звали Игорь. Рослый, улыбчивый, белобрысый, в новеньком летнем «танкаче» песочного цвета, щегольских берцах и с кепкой от «афганки» под погоном. На «товарища лейтенанта» Игорь возразил, что до этого Димка не дорос, не в армии ещё, а на «дядю» изобразил смертельную обиду: мол, не такой уж старый! Сошлись просто на «Игоре» – и поехали.

На улице было солнечно и как-то совсем по-летнему, со всеми особыми летними запахами, ветерками и прозрачными набегающими на солнце тучками. Пока катили до памятника, Димка просто отключился – ему было хорошо... Хо-

рошо – и бездумно.

Подкатив к танку, Игорь скомандовал сакраментальное «К машине!», и Димка, даже не успев выйти из своей задумчивости, на автопилоте телепортировался из уазика наружу.

Танк был на месте.

Другой.

Новенькая, вся такая парадная «тридцатьчетвёрка» с гвардейским значком и белыми кантиками на катках. С матово-чёрными гусеницами, которых отродясь не бывает у настоящих танков.

Не бывает...

Мир дал трещину, и *тот, второй*, попытался... на этот раз Димка так и не понял, что он хотел сделать – сам был в растерянности! – но усилием воли загнал его обратно... в себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.